

ОН — ОШИБКА,
КОТОРУЮ РЕШИЛИ
СТЕРЕТЬ.

18+

СТАТУС:
НЕ СУЩЕСТВУЕТ

КОД ИМЕНИ:
ПРИЗРАК

КЛАСС:
МЕТА

УРОВЕНЬ УГРОЗЫ:
НЕИЗВЕСТЕН

УДАЛЕНО
ИЗ РЕЕСТРА

ПРОЕКТ «МЕТА»

ПРИЗРАК 01

ДЖУЛИЯ ФОКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Джулия Фокс

Проект "Мета": Призрак 01

<https://litres.ru/74463817>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мета-людьми, прозванными в медиа супергероями, давно никого не удивишь, но Памела Осборн никогда не думала, что один из них станет её единственным шансом выжить. До него её мир держался на простых вещах: балет, сцена и тело, которое всегда слушалось. Его же мир пахнет порохом, кровью и оружейным маслом. Он поднимается после ран, от которых другие уже не встают, убивает без колебаний, исчезает без объяснений и терпеть не может, когда его принимают за героя.

Его называют Призраком.

Памеле стоило бы бояться его сильнее остальных, но именно за его спиной ей становится спокойно. Её никто не предупреждал, чем это может закончиться.

Самым опасным местом оказываются не необитаемый остров, чужой подвал и прицел у виска, а руки мужчины, из которых ей не хочется вырываться.

Содержание

Книга первая. Мир Памелы Осборн	4
Дисклеймер	5
Глава 1. Памела. Неизвестность	8
Глава 2. Майкл. Гуманитарная помощь	33
Глава 3. Памела. Убежище	65
Глава 4. Майкл. Курс молодого бойца	82
Глава 5. Памела. По ту сторону морали	96
Глава 6. Майкл. Дистанция	116
Глава 7. Памела. В следующей жизни	131
Глава 8. Памела. Следующая жизнь	150
Глава 9. Майкл. Официально ликвидирован	178
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Проект "Мета": Призрак 01

Книга первая. Мир Памелы Осборн

В Рилс можно увидеть качественную визуализацию сцен,
профиль JuliaFox.

Дисклеймер

Меня называют **Призраком**.

Не спрашивай, сам я это придумал или так обозвали люди. Ты открыла эту книгу — значит, сейчас я тебе коротко объясню, куда ты лезешь.

Нежной любви тут нет. Если тебе нужны цветы, кино и мужик, который умеет разговаривать о чувствах больше двух предложений подряд, закрой нахрен. Здесь выживают иначе, и любят тоже иначе.

Дальше по пунктам. **Читай внимательно.**

— **Будут кровь, раны, допросы. Убийства** — тоже, не за кадром и не «герой просто защищался, пока камера смотрела в сторону». Если тебя мутит от того, как ломается кость и как звучит человек, когда понимает, что не встанет, — тебе сюда рано.

— **Похищение, заточение, охота человека на человека.** Не «ну, они немного поссорились в лесу». Есть места, где ты — не гостья и не жертва в красивом смысле. Ты добыча. Либо бежишь, либо окажешься в земле.

— **Опыты над людьми.** Кто-то называет это наукой, кто-то — необходимостью. Если тебе достаточно знать, что человека можно разобрать на части и собрать заново не до конца человеком — этого хватит. Подробности сами найдут тебя в тексте.

— **За тобой будут смотреть.** Снимать, писать звук без спроса — в том числе тогда, когда нормальному человеку меньше всего хочется зрителей. Можно остаться вдвоём и всё равно не быть наедине: где-нибудь в наушнике будет сидеть третий.

— **Откровенный секс**, без стыдливых многоточий. И да, **оружие** здесь не всегда просто лежит рядом «на всякий случай». Близость тоже порой становится территорией, куда его тащат за собой, в том или ином формате. Кому-то это зайдёт, а кому-то после этого захочется закрыть книгу и помыть руки. Оба варианта нормальные.

— Есть сцены, где **желание и убийство путаются**, и тело партнёра читается не как тело, а как мишень, потому что у некоторых людей руки помнят одно лучше, чем другое.

— **Власть, контроль, зависимость и ложь**, которая отлично внутри всего этого приживается. **Синдром спасателя** тоже будет — причём в самой поганой комплектации, когда один тащит, второй цепляется, и оба делают вид, будто это забота, а не страх остаться одному.

— **Панические атаки, ПТСР, РПП, ночные срывы**, после которых утром хочется свалить и никогда не возвращаться. **Упоминания суицида**, без романтики «умереть красиво». Просто дыра, в которую проваливается голова, когда уже некуда бежать.

— **Мата будет много.** Я другим языком почти не умею. Если тебя коробит от слов, тебя очень быстро начнёт коро-

бить от людей.

Вот и всё, что ты обязана знать до первой главы.

Я не буду уговаривать тебя читать и заявлять, что в конце станет тепло и правильно. Могу обещать другое: если останешься — дальше уже без табличек. **Сама полезла.**

Глава 1. Памела. Неизвестность

(Трек Harpazz – From the Shadows (Mega Slowed))

Вооружённый конвой, вертолёт и заложница с мешком на голове — финал маршрута явно не обещал спасения.

Сознание возвращалось толчками, сквозь металлический гул, распёрший череп. В такт этому рёву мелко вибрировал пол под щекой, дрожь отдавала в зубы. Лопасты рубили воздух где-то над головой с бешеной, вгрызающейся в барабанные перепонки частотой.

Попытка шевельнуться отозвалась вспышкой боли в висках. Я открыла глаза, но ничего не изменилось — зрение упиралось в шершавую черноту. При вдохе ткань липла к губам, воняя дорожной пылью, потом и ржавчиной. Опять мешок. Первый вдох принёс затхлую вонь, от которой желудок свело спазмом, и к горлу подкатила горячая желчь.

За спиной ныли затёкшие руки. Пальцы превратились в онемевшие куски мяса, а запястья намертво стягивал пластиковый хомут, глубоко въевшийся в распухшую кожу. Шевельнёшься — края режут до сукровицы. Лодыжки тоже держала петля, но свободнее, оставляя зазор для семенящего шага. Значит, погонят своим ходом.

Сколько прошло времени, я уже не знала. Оставалось считать наугад. Четырнадцать. Полных две недели, при условии, что после уколов снотворного из памяти не выпали сутки. Я

зажмурилась до цветных пятен и постаралась не потерять эту цифру. Ещё две недели назад можно было достать смартфон и увидеть себя точкой на карте, услышать знакомые голоса в трубке, оставить чашку недопитого кофе на кухонном столе, сказать привычное «позже» и строить планы на вечер.

Потом реальность сузилась до подвала и набора звуков, которые я выучила наизусть: шаги охраны, щелчок замка, грубый баритон. Сначала дни мерились приёмами пищи, пока не стало ясно: логики в кормлении нет. Со светом было не лучше. Лампу на потолке включали без всякого расписания, и иногда не выключали сутками. Даже сквозь закрытые веки она продолжала бить по глазам, пока те не начинали болеть.

Сейчас всё изменилось. Меня куда-то везли. В салоне находилось трое или четверо. Орали, перекрывая гул винтов.

— ...пятнадцать! — донеслось слева.

— Что?

— Пятнадцать минут, говорю!

Английский. У первого — чистый, без примесей. У соседа — жёсткий, ломаный, с непривычной артикуляцией.

Кисти попробовали согнуться — кожа под стяжкой вспыхнула, хомут впился сильнее. Слишком туго, суставы не вывернуть. Сломать большой палец? Раньше подобное калечение ради свободы показалось бы безумием, теперь — нет. Хотя какой смысл ломать кости в летящей машине? Выпрыгнуть в облака? Великолепный план, Пэм. Просто отличный.

Тяжёлые подошвы проскрежетали совсем рядом. Кто-то

замер прямо надо мной. Через секунду носок ботинка грубо ткнул в бедро.

— Спит?

— Нет, — донеслось справа.

— С чего взял?

— Дышит по-другому.

Сволочь наблюдательная. Я продолжала лежать неподвижно.

— Эй.

Молчание. Новый, куда более резкий пинок пришёлся под дых, в рёбра. Воздух со свистом вылетел изо рта, зубы сжались до скрипа, но хриплый стон сдержать не удалось.

— Видишь? — довольно произнёс голос.

— Очень смешно.

— Я старался.

Говорили обо мне так, словно на полу валялся мешок с гнилой картошкой. Впрочем, внешнее сходство наверняка было полным. Я подтянула колени к груди, насколько позволила сцепка на лодыжках, прикрывая живот.

— Зеро совсем заняться нечем? Тратим время на какую-то шлюху. Взять бы её и...

— Не болтай лишнего.

— Ой, да ладно! Один чёрт помрёт.

Вдруг машина просела. Желудок ухнул вниз. Удар, скрежет — сели жёстко, без церемоний. Боковая дверь с лязгом ушла в сторону, и в салон ворвался раскалённый зной.

Грубые пальцы вцепились в воротник одежды, поднимая вверх. Связанные ноги подкосились, и я повалилась обратно на грязный настил.

— Вставай, давай!

— Я не могу...

— Значит, поползёшь.

Кое-как пришлось встать, шатаясь на ходу. Толчок в спину. Шаг, второй. Я выставила ногу в пустоту, сердце оборвалось, но конвоир поймал за шиворот. Ткань врезалась в горло, а колено махом встретилось с чем-то твёрдым.

— Твою мать, держи её!

Меня рывком вернули в вертикальное положение, и под ногами наконец оказалась земля. Мелкие камни с хрустом перекатывались под весом тела. Позади раздался короткий смешок:

— Далеко она так не утопает.

— А ей далеко и не надо.

Внутри неприятно похолодело. Долгие дни я молилась, чтобы проклятая бетонная коробка исчезла, а теперь каждая клетка организма умоляла вернуть всё назад — в ту комнату, где хотя бы были понятны границы стен.

На девятом шаге грубые пальцы зацепили ткань у основания шеи, и плотный мешок сорвали одним резким движением.

Свет ударил по глазам, заставив вскрикнуть, отвернуться и зажмуриться до багровых пятен. Сразу хлынули слёзы.

Зрение возвращалось неохотно: сквозь белое марево проступило ядовито-зелёное пятно, очертания предметов плавно обретали чёткость.

Передо мной высился лес: живая, сплошная и абсолютно непроницаемая стена зелени высотой с многоэтажный дом тянулась в обе стороны, насколько хватало взгляда. Стволы уходили вертикально вверх, теряясь среди переплетённых крон. Толстые лианы свисали между ними в каком-то безумном узле. Непролазный подлесок начинался сразу за узкой полосой вытоптанной земли: гигантские папоротники, колючие кустарники и спутанные корни. Лёгкие до краёв наполнились влагой, резким запахом прелой растительности и чем-то приторно-сладковатым. Тропики. Самые настоящие джунгли. Боже, а во что я одета? Футболка и джинсы цвета хаки, а на ногах — кроссовки. И на этом всё.

Позади оставалась небольшая поляна, расчищенная ровно настолько, чтобы на неё мог сесть вертолёт. Ни построек, ни грунтовой дороги, ни наблюдательной вышки. Наёмники стояли в паре шагов — до зубов вооружённые, в камуфляже без нашивок или знаков различия. Лица оставались открытыми, им было плевать, что я запомню каждую чёрточку. Пластиковую стяжку на запястьях и лодыжках аккуратно разрезали, и на коже остались глубокие багровые борозды. Зачем им освобождать меня?

— Где я?! — закричала я во всю силу.

Тот, что стоял ближе всех, лениво взглянул на меня, будто

мой надрывный крик был чем-то естественным и совершенно неважным. У его ног лежал небольшой рюкзак оливково-зелёного цвета литров на двадцать. Наёмник поднял его за верхнюю ручку и без предупреждения швырнул прямо в меня. Плотная набитая сумка с размаху ударила в живот. Я согнулась пополам, хватая ртом воздух.

— Что вы, блядь, творите?!

Никакой реакции. Мужчина уже уверенно шёл к вертолёту. В голове упрямо не складывались элементы этой безумной мозаики: меня похитили, продержали в подвале, привезли в джунгли, развязали руки, сняли мешок, швырнули вещи... Они что, уезжают?

— Эй! Постойте! — я бросилась следом, но ствол штурмовой винтовки прикрывавшего стрелка поднялся, заставив меня застыть. — Вы куда?!

Наёмник поставил ногу на металлический полоз вертолёта, пристально посмотрел на меня и отчётливо произнёс:

— Задача — выжить.

— Что? — тупо переспросила я, пока мужчина спокойно забирался внутрь кабины.

Я растерянно моргнула. Нет, этого просто не могло быть, я наверняка ослышалась из-за рёва винтов.

— Какая, к чёрту, задача?!

Массивная дверь поползла в сторону, закрывая проём. Я сделала отчаянный шаг вперёд.

— Стойте! Не надо!

Лопасты ускорялись, превращая воздух вокруг поляны в сплошной ураганный поток. Длинные рыжие волосы со свистом хлестнули по лицу, тучи сухой пыли забивались в открытый рот и резали глаза.

— Эй! — сорвавшись на крик, я побежала вперёд.

Травмированное колено тут же отозвалось болью, но в этот момент физические страдания не имели никакого значения. Вертолёт оторвался от истоптанного грунта, плавно развернулся носом к лесу и ушёл на полной скорости, проносясь над изумрудными кронами гигантских деревьев.

— СТОЙТЕ! ВЕРНИТЕСЬ!

Стоило замолкнуть двигателю, как джунгли обрушились лавиной тысяч чуждых звуков: высоко закричали птицы, в листве затрещали мириады насекомых, а над самым ухом пролетело что-то крупное. В самой глубине зарослей раздался протяжный крик, похожий на стон крупного зверя. Ближние листья заметно шевельнулись. В ужасе я попятилась назад, пока пятка не упёрлась во что-то плотное — рюкзак.

Людей не крадут из домов, чтобы затем без объяснений выбросить с походным рюкзаком. Значит, у этого абсурда существует чёткая причина. Я просто её ещё не знаю. Ноги дрожали так сильно, что пришлось опуститься на корточки прямо возле рюкзака.

— Что за хрень... — собственный голос прозвучал слишком слабо, и мне, разумеется, никто не ответил. — Так, Пэм. Соberись.

Я осторожно потянула сумку к себе и уверенно взялась за бегунок, но внезапно остановилась. А что, если внутри лежит... Что? Какая-нибудь скрытая бомба с таймером? После похищения и перелёта со связанными руками подобная паранойя уже не выглядела безумием.

Я испуганно отдернула руку.

— Отлично, прекрасный ход мыслей, — пробормотала я под нос.

В этот момент крупный комар сел на моё обнажённое предплечье. Я на автомате резко хлопнула ладонью по ко-

же, и осталось тёмное пятно. Ещё один назойливо зажуужал прямо возле лица, затем к нему присоединился второй. Жара давила всё сильнее, футболка прилипла к мокрой спине.

Я выдохнула и снова решительно взялась за молнию. В конце концов, если бы они действительно хотели моей смерти, им было гораздо проще пристрелить меня ещё там, в подвале, или без лишнего шума сбросить с вертолётa во время полёта.

Я медленно потянула бегунок. Внутри плотно лежали вещи. Первой оказалась обычная прозрачная пластиковая бутылка с чистой водой, которую я тут же открыла, припала к горлышку и сделала несколько огромных, жадных глотков. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы остановиться. Припасы следовало экономить. Дальше осматривать вещи я не стала.

Куда идти? Север? Юг? Восток? Смартфона у меня не было. Полная потеря идентичности. На противоположном краю поляны трава была странно примята. Узкая, едва заметная полоса уходила вглубь — настоящая тропа. Я покрепче подтянула лямку рюкзака на плече и вытерла рукавом обильный пот со лба.

— Хотите, чтобы я выжила? Хорошо.

Я вошла под густые кроны деревьев. Первые десять минут ещё упрямо верила, что тропа обязательно выведет к какому-нибудь жилью. Ну, раз есть колея, её кто-то проложил? Люди не появляются посреди джунглей из ниоткуда. Всё ка-

залось предельно ясным и понятным. Однако уже через двадцать минут всё начало стремительно трещать по швам.

Тропинка то чётко проступала, то внезапно растворялась под путаницей корней и слоем гнилой листвы. В одном месте колея разделилась на два рукава; я наугад выбрала правый путь, но спустя сотню шагов этот проход упёрся в сплошные заросли. Когда я вернулась к развилке, собственные недавние следы уже практически невозможно было отличить от случайных вмятин.

А ещё гнетущее ощущение чужого, пристального взгляда в спину упорно не желало исчезать. Этот лес вовсе не выглядел безжизненным пустырём: вокруг копошилось слишком много скрытых существ. Я продвигалась слишком медленно, постоянно цепляясь тканью рюкзака за корявые сушня. Длинные лианы хватали за волосы, а острые колючки оставляли саднящие красные полосы на предплечьях. Тканевые кроссовки промокли насквозь. Почва под верхним слоем растительности была топкой и влажной абсолютно везде, в какой-то момент левая нога с ходу провалилась в скрытую жижу почти по самую щиколотку.

Я устало прислонилась спиной к огромному дереву, раскидистый ствол которого невозможно было обхватить даже втроем. Надо остановиться и нормально подумать. Сняла рюкзак, полностью расстегнула молнию, чтобы тщательно проверить содержимое. На самом дне обнаружилась ещё одна запечатанная бутылка воды. Рядом лежали небольшая по-

ходная аптечка в красном чехле, простенький пластиковый фонарик, коробка спичек в прозрачном герметичном пакете, складной нож, несколько энергетических батончиков в фольге, тонкий свёрток дождевика-пончо и моток капронового шнура. И больше ничего. Карта местности, GPS-навигатор, компас, рация для экстренной связи — всё полностью отсутствовало.

Я уставилась на разложенные предметы.

— Вы издеваетесь надо мной? «Задача — выжить»? И что мне делать дальше с этим набором?!

В каком-то диком порыве я схватила пустой рюкзак и яростно перевернула его вверх дном, тряся в воздухе. На землю вдруг выпала маленькая, сильно смятая бумажка. Сердце испуганно подпрыгнуло в груди, я судорожно схватила её пальцами. Это оказалась всего лишь старая обёртка от батончика, случайно застрявшая в нижнем шве. Я с яростью скомкала её в кулаке и швырнула в грязь.

По щекам вовсю текли слёзы, которые я поспешно вытерла тыльной стороной ладони. Восстановить в памяти маршрут последних минут не получалось — каждый участок этого леса выглядел абсолютно одинаково. Кое-как запихнув снаряжение обратно, я бросилась бежать, просто напролом, ориентируясь лишь на смутное внутреннее чувство направления. Хлёсткие ветки кустов с размаху били по лицу, обжигая кожу.

— ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ! Я ЗДЕСЬ! ЕСТЬ КТО-

НИБУДЬ?!

В горле возникла сухая боль от крика, но никакого ответа из чащи не последовало. Паника окончательно сорвала все предохранители в голове, и я побежала дальше, уже совершенно не разбирая дороги. Вскоре нога зацепилась за корень под травой, и я с размаху полетела вперёд, больно приземлившись на ладони. Жидкая бурая грязь глубоко забилась под ногти.

Я попыталась подняться, ухватившись обеими руками за шершавый ствол какого-то дерева. Дышать стало невозможно. Воздух входил в грудь короткими порциями, но лёгкие при этом оставались абсолютно пустыми. Я бессильно сползла по стволу вниз, опустившись на корточки в грязь. Может быть, всё происходящее — чья-то безумная игра? Нужны люди. Обычные, нормальные люди. Мне жизненно необходим был какой-нибудь посёлок, деревня, грунтовая дорога или хотя бы река.

Встать на ноги удалось не сразу. Нужно внимательно искать любые следы. В грязи то и дело попадались отпечатки, принадлежавшие местным животным: маленькие раздвоенные копытца и круглые вмятины с когтями. И вдруг посреди этого звериного узора я отчётливо увидела глубокий отпечаток обуви.

Кто-то проходил здесь совсем недавно. Сковывающий страх одиночества отступил настолько резко, что на лице сама собой появилась глупая улыбка. Люди. Я так и знала.

Я уверенно двинулась вперёд, ориентируясь по цепочке обнаруженных следов. Вот в одном месте обнаружилась сло-манная кем-то ветка, чуть дальше была заметно примята трава, а на очередном участке почвы снова чётко проступил знакомый рисунок подошвы. Судя по всему, здесь шёл один человек.

— Есть тут кто-нибудь?!

Я успешно преодолела ещё около сотни метров сквозь кусты и вдруг отчётливо услышала впереди посторонний звук — уверенный шаг. Но шорох моментально прекратился. Меня точно слышали. Я с трудом протиснулась между двумя огромными глянцевыми листьями, и впереди мелькнул смутный мужской силуэт.

Это был высокий, крепко сложенный человек, одетый в грязную одежду: тёмную футболку и плотные походные брюки в пятнах. На его спине висел массивный рюкзак. От облегчения у меня на глаза чуть снова не навернулись слёзы. Мужчина молча развернулся ко мне лицом и уставился неподвижным взглядом. Я поспешно подняла раскрытые ладони вверх.

— Простите, пожалуйста... Я потерялась и совершенно не знаю, где нахожусь. Мне нужна помощь.

Никакой реакции. Его лицо было густо покрыто слоем грязи, а на левой щеке виднелась корка засохшей крови. Седые и мокрые от пота волосы неопрятными прядями прилипли ко лбу. При этом в правой руке он крепко сжимал боль-

шой охотничий нож с широким лезвием длиной не меньше двадцати сантиметров. И взгляд был направлен вовсе не на моё лицо. Он с каким-то плотоядным интересом разглядывал мой рюкзак на плече.

Мужчина сделал шаг в мою сторону, слегка припадая на одну ногу.

— Подождите, стойте там, где стоите. У меня есть вода, я могу поделиться.

Ещё один шаг. Длинное стальное лезвие свободно висело вдоль его правого бедра.

— Не подходите ко мне! Можете забрать этот чёртов рюкзак себе! Вот он, берите!

Я лихорадочно сдёрнула лямку и начала наклоняться корпусом вниз, чтобы оставить сумку на траве, как вдруг мужчина резко бросился вперёд. Перед глазами мелькнуло быстрое смазанное движение, и блестящий нож взмыл вверх. Инстинкты сработали быстрее разума: я со всей силы швырнула рюкзак ему прямо под ноги и отпрянула назад. Лезвие с противным свистом рассекло воздух ровно в том месте, где ещё долю секунды назад находилась моя шея.

Мужчина ловко переступил через брошенную сумку, перехватывая нож поудобнее. В отчаянии я схватила первую попавшуюся под руку ветку и выставила перед собой.

— Назад! Я ударю!

Нож снова блеснул, и нападавший кинулся на меня в решительном выпаде. Я со всей силы ударила веткой. Сухая

древесина со стуком попала ему точно по предплечью правой руки, но мужчина даже не поморщился. Лезвие полоснуло воздух в считанных сантиметрах от моего живота. В ужасе я отпрыгнула назад, ногой зацепилась за коварный выпирающий корень и с размаху полетела вниз. Земля со всей силы ударила меня по спине.

Мужчина оказался сверху надо мной практически в то же мгновение. Превозмогая боль, я перекатилась на бок, и нож со страшным звуком вонзился глубоко в землю прямо возле моего плеча. В диком порыве я выбросила ногу и со всей силы ударила его кроссовком куда-то в область коленной чашечки. Он от неожиданности покачнулся, теряя равновесие, и я лихорадочно поползла на спине назад, помогая себе локтями. Нападавший с лёгким усилием выдернул нож из грунта.

— Да пошёл ты к чёрту! — завопила я, схватила обеими руками большую горсть грязи вместе с прелыми листьями и швырнула ему прямо в лицо.

Грязь попала точно в глаза. Я вскочила на ноги и бросилась бежать со всей скоростью, на которую только было способно моё измученное тело, — просто прочь от этого места, углубляясь в самую непроходимую чашу. Ветки безжалостно хлестали, но я лишь крепко прикрывала глаза согнутыми руками.

Сзади раздавались шаги. Этот безумец бежал следом за мной.

— ПОМОГИТЕ! КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ!

Почему этот чёртов ублюдок упорно продолжает молчать? В отчаянии я резко вильнула всем телом в сторону, и передо мной неожиданно открылся крутой склон. Земля уходила вертикально вниз почти под сорок пять градусов, обрываясь в овраг.

Тормозить на такой скорости было уже слишком поздно. Подошвы потеряли всякое сцепление, я завалилась на бок и выставила руки перед собой, пытаюсь хоть за что-то уцепиться.

На какую-то секунду окружающий мир полностью исчез, погрузившись в сплошную темноту. В ушах стоял лишь монотонный звон. Но затем сознание медленно вернулось. Преодолевая слабость, я с трудом приподняла голову вверх. Мужчина стоял на самом краю склона и внимательно всматривался в кусты.

Я испуганно оглянулась по сторонам. Там, внизу, между стволами деревьев мелькало что-то светлое и подвижное — лесной ручей, довольно широкий поток воды, пробивающий себе дорогу между крупными серыми валунами. Не задумываясь о последствиях, я с ходу прыгнула прямо в него. Ледяная вода дошла мне до колен, этот резкий холод буквально обжёг кожу. Я сильно пошатнулась на месте — округлые камни на дне оказались скользкими как мыло. Кое-как сделав один шаг, я внезапно услышала позади себя громкий плеск. Он тоже вошёл в ручей.

— Да чего тебе, блядь, от меня надо?! РЮКЗАК ВЕДЬ ТАМ ОСТАЛСЯ, НА ТРОПЕ! ЗАБИРАЙ ЕГО СЕБЕ, ОН МНЕ НЕ НУЖЕН! БЕРИ ВСЁ!

Он продолжал упорно идти вперёд, поднимая тучи брызг. Я резко развернулась и со всех ног бросилась бежать через ручей на противоположный берег, скрывшись в практически непролазных зарослях дикого кустарника.

В конце концов я полностью остановилась возле какого-то раскидистого дерева и бессильно согнулась пополам, уперев дрожащие руки в колени. Затаила дыхание и внимательно прислушалась к окружающему пространству — никакого шага поблизости не прослушивалось. Я плавно сползла вниз, сев прямо в грязную жижу у корней. Первый встреченный человек без единого слова и видимой причины попытался хладнокровно перерезать мне горло.

Волна горячей тошноты подкатила к горлу слишком резко, заставив склониться к земле, и меня мучительно вырвало.

В голове снова прозвучал тот безликий голос: «Задача — выжить». Вот теперь эта лаконичная фраза начала звучать для меня совершенно иначе, обретая свой истинный смысл.

Паника накрыла не только тело — она вгрызлась в самую суть. Это происходит не со мной. Этого не может быть. «Выжить» здесь означает не просто не умереть от жажды или змеиного укуса, а перестать быть человеком? Куда я попала, чёрт возьми?

Я просидела у корней до тех пор, пока крупная дрожь не сменилась ломотой в суставах. Дальше оставаться на незащищённом месте было чистым самоубийством. Этот безумец мог упрямо идти прямо по моим следам, мог надолго остановиться у воды, выжидая. И мой рюкзак остался лежать там, на той стороне злосчастного ручья... Значит, отныне я осталась без капли пресной воды. Без единого грамма еды. Без походной аптечки для обработки ран. Без...

Мое сердце снова застучало быстрее, а руки задрожали. Мысли зазвучали по кругу: если еды не будет дня два — силы иссякнут; без воды через сутки я впаду в кому; да и нож остался там — значит, теперь не было ничего, чтобы нормально защититься. Каждая царапина на руках жгла, напоминая о существовании инфекций. А если он всё-таки пойдёт по следам? Или уже идёт?! А может сейчас стоит где-то за спиной и ждёт, когда я вылезу отсюда?

Панически мечущийся взгляд остановился: на коре рядом с плечом мелькнула затянутая петля из чёрного шнура. Один конец уходил в заросли. Я осторожно потянула — где-то за листьями шевельнулась ветка. Почти полностью скрытая густым папоротником, висела походная сумка.

— Боже...

Я сдёрнула её, выставив перед собой: оливковая ткань, налипшие куски грязи. Точная копия моего рюкзака.

Пальцы внезапно нащупали продольный разрыв на боковом шве, наспех перешитый вручную какой-то нитью. А на

нижнем кармане проступало большое, въевшееся бурое пятно — засохшая кровь.

В ужасе я отдёргнула руку. Сумка точно принадлежала кому-то другому. И он её не потерял — сделал тайник. Значит, хозяин мог вернуться в любую секунду. Я снова посмотрела на пятно крови и решила, что выяснять это рядом с чужой заначкой не хочу.

Гораздо важнее было выяснить, что именно лежит внутри этого трофея. Я подхватила его за перешитую лямку, поднялась и упрямо побрела глубже в чащу. Каждый последующий шаг выверенно выбирала заранее, стараясь не наступать на ветви и открытые участки топкой грязи. Спустя несколько минут упорных поисков укрытия я наконец наткнулась на поваленное дерево, лежавшее поперёк крутого склона, а его вывернутые корни подняли огромный пласт земли высотой почти с мой рост. Снаружи меня теперь было практически невозможно разглядеть даже с расстояния в пару шагов.

Первым делом я аккуратно извлекла наружу прямоугольный пакет из матового пластика — армейский сухпайк. Желудок при виде него болезненно сжался от голодного спазма. Следующим предметом, который нащупали мои пальцы, оказался охотничий нож с фиксированным лезвием и рельефной рукоятью. Смогу ли я в реальной ситуации со всей силы вонзить эту сталь в живого человека, если тот безумец снова выскочит из кустов?

В глубине рюкзака также обнаружилась походная аптечка,

а ещё глубже — плотно свёрнутый непромокаемый дождевик, моток прочной капроновой верёвки длиной метров пятнадцать и металлическая фляжка. Я осторожно встряхнула её возле уха — внутри плеснула жидкость. Пожалуй, пить это не стоит. Я вылила содержимое.

Ближе к вечеру я поняла, что нахожусь на острове. Это осознание пришло, когда до ушей донёсся отдалённый рокот большой воды. Я упрямо полезла всё выше по склону, цепляясь пальцами за выпирающие корни, пока из-за редких просветов в листве не ударил свежий, пахнущий солью ветер. С вершины холма открылся гнетущий обзор: бескрайний океан окружал эту сушу со всех сторон. Мой первоначальный спасительный план — просто идти по тропе, чтобы выйти к какому-нибудь шоссе, — умер окончательно.

Палящее солнце стремительно клонилось к линии горизонта, нужно было срочно готовиться к ночи. Походный костёр разводить нельзя — дым и яркий свет стали бы идеальным маяком для любого озлобленного человека с ножом. Уж лучше сидеть в абсолютной темноте, чем гореть мишенью на витрине. Из-за обилия ползающих насекомых спать на голой земле не хотелось до дрожи. Оставался единственный вариант — лезть на дерево. Используя капроновую верёвку, я с трудом взобралась в узкую V-образную развилку ветвей в трёх метрах от земли, плотно обвязала себя вокруг талии, а нож положила прямо под руку, на ровную кору.

Темнело в тропиках пугающе быстро. Вскоре лес по-на-

стоящему заговорил: откуда-то снизу доносились странное щёлканье, писк и вопли. Спать было категорически нельзя, но мышцы гудели от дикого перенапряжения. Спустя несколько часов послышался громкий человеческий крик, который оборвался на полуслове, а затем пространство прорезал новый надрывный женский вопль: «НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА!». Я в ужасе зажала рот ладонью. Над кронами грохнул хлопок оружейного выстрела, подняв в небо стаю птиц, тут же следом — второй и третий. Я со всей силы вжалась спиной в ствол. На этом острове люди безжалостно убивали друг друга ради выживания?

Долгожданное утро пришло в виде серого рассветного света. К тому моменту меня уже измучила жажда. Без капли пресной влаги в этих раскалённых джунглях я неизбежно потеряла бы сознание. Все мысли занял поиск источника. Ориентируясь по рельефу местности, я пробиралась вдоль склона больше часа, пока под ногами не проступил ковёр из сочного мха и не послышался звонкий всплеск. Вода.

Я присела на корточки за широким кустом у края каменистой прогалины, через середину которой протекал прозрачный ручей. Уже собиралась выйти из тени, но взгляд зацепился за свежий след у самой кромки берега. Тут же из-за валунов донёсся короткий стук. Прижавшись к дереву, я затаила дыхание. На берегу было явное движение. Человек.

Мужчина стоял ко мне боком. Высокий, под два метра ростом, с крупными развитыми плечами и длинными ногами.

Одежда незнакомца была мокрой, на ветру слегка шевелились чуть отросшие русые волосы. Он спокойно присел на корточки возле самой воды. Никакой суеты или спешки. Рядом с ним лежал походный рюкзак приметного оливкового цвета — точная копия моего трофея. Передо мной стоял ещё один невольный участник этого безумного сафари...

Ноги сами собой шагнули назад, в сторону чащи, но пустая фляжка неприятно стукнула по бедру, напоминая о реальности. Вода была жизненно необходима. Решив переждать опасность в укрытии, я замерла. Мужчина тем временем медленно поднёс свою фляжку к губам, сделал несколько больших глотков, а затем достал прозрачную пластиковую бутылку и принялся неторопливо наполнять её через горлышко. Пылающее солнце нещадно нагревало мои плечи. Крупный комар опустился мне прямо на щёку, но я не шевельнула ни единым мускулом, преодолевая зуд — выдать себя из-за такой мелочи было бы верхом глупости.

Я продолжала разглядывать незнакомца. Прямо рядом с его правой ногой на траве лежало полноценное мачете для рубки лиан. Я ещё сильнее сжала рукоять своего собственного ножа. Что, если этот великан окажется точно таким же безжалостным убийцей, как вчерашний нападавший? Мужчина вытащил из вещей сухпаёк и разместился на камне, вскрывая упаковку. Это тотальное спокойствие посреди бойни начало меня невольно пугать.

Пришлось углубиться в тень кустарника, чтобы убрать ко-

лючую ветку, задевшую плечо. И в этот самый миг под моей подошвой раздался хруст. Я замерла. Нет, только не это. Очень медленно, буквально по миллиметру, я повернула голову обратно к ручью. Мужчина по-прежнему сидел у воды. Он поднял голову вверх, но его спокойный взгляд был направлен куда-то выше по течению, в сторону скалистого ущелья. Не услышал. Пронесло. Сердце колотилось в самом горле. Надо убираться от этой прогалины, найду другую воду. Уж лучше мучиться от жажды, чем проверять, насколько быстро этот парень умеет бегать по пересечённой местности со своим мачете.

Я уже развернулась, как вдруг мой взгляд снова мельком зацепился за его фигуру. За его руки. Они были чистыми. На его коже и одежде совершенно не просматривалось следов чужой крови. У того вчерашнего мужика бурые пятна покрывали практически всю футболку, а у этого парня ничего подобного не было. Хотя этот факт на самом деле не значил ровным счётом ничего.

Мужчина неторопливо поднялся во весь рост. Вот теперь мне удалось рассмотреть его лицо значительно лучше: молодой, примерно моего собственного возраста или самую малость старше, правильные черты лица, густая русая щетина, холодный взгляд. Никакого безумного оскала в мимике, ничего откровенно угрожающего. Впрочем, именно так, наверное, и выглядит обычный человек за секунду до того, как примет осознанное решение перерезать тебе горло. Пока что

на моей стороне оставалось единственное весомое преимущество: этот незнакомец до сих пор не знал, что я нахожусь здесь и слежу за каждым его шагом.

Глава 2. Майкл.

Гуманитарная помощь

(Трек TURAN — Astxr, MC ETERNA)

Я заметил её задолго до того, как она успела сообразить, чьи следы ведут к воде.

Рыжая макушка мелькнула между листьями выше по склону, пропала за стволом и через пару секунд обнаружилась левее. Двигалась девчонка бестолково. Новенькая, без вариантов. Те, кто протянул на острове хотя бы неделю, меняли повадки: джунгли быстро вбивали инстинкты в способных учиться и хоронили остальных. Выжившие не ломились сквозь кустарник, не оставляли за собой примятую просеку и точно не вешали пустую фляжку поверх рюкзака. Та с ритмичным стуком била по бедру. С тем же успехом можно было прицепить на шею коровий колокольчик.

Я продолжил цедить воду, позволяя ей тешить себя иллюзией скрытности. Вскоре, оставив бутылку, я дотянулся до рюкзака. Рыжая подползла ближе — теперь нас разделяло метров сорок. Пряталась она великолепно. Если, конечно, закрыть глаза.

Устроившись на плоском камне, я вскрыл сухпаёк. Аппетита не было, но следовало дожидаться её действий. Девчонка замерла, вцепившись в кусты. Судя по тому, как часто её

язык проходил по сухим губам, обезвоживание уже подкапывало к критической отметке. Лицо горело от зноя, а грязная одежда местами промокла от болотной жижи.

Я откусил кусок пресной галеты, продолжая разглядывать её сквозь просветы в листве, и на секунду перестал жевать. Из-за предыдущей такой девицы я и попал в этот ад. Но эта казалась совсем хрупкой: невысокая, с тонкой талией, отчётливо читавшейся даже сквозь мешковатую, местами порванную футболку. Джинсы после беготни по влажным джунглям прилипли к бёдрам достаточно плотно, чтобы я оценил изгибы. Хорошая задница. Изысканный вкус острова пока не выжег во мне способность ценить женские формы.

Девчонка шевельнулась, подставляя лицо под редкий солнечный луч. Молодая, веснушчатая. Испуганная до одури. Нож держит так, будто готова зарезать первый куст, который подозрительно пошевелится. Для меня она опасности не представляла, но вот какому-нибудь бродяге могла проткнуть брюхо чисто от испуга.

Пусть подходит, если наберётся смелости. Меня сейчас беспокоило другое: она здесь не одна. Свежий парный след я заметил ещё на рассвете. Два человека шли порознь, прощупывали маршрут и следили за мной со вчерашнего дня. Один двигался тяжело, косолапил на правую ногу, второй ступал мягче, грамотно используя рельеф. На выступе они притормозили, выжидая удобного момента. Логично — у источника засаду делать сподручнее всего: человек расслабляется,

откладывает снаряжение и тянется к воде. Именно поэтому я торчал тут так демонстративно долго.

Слева, с подветренной стороны, треснул сук. Не там, где затаилась рыжая, а значительно дальше, у кромки оврага. Я даже бровью не повёл, неторопливо убирая остатки пайка. Первый пошёл. Второй, судя по шороху листвы, оставался чуть выше, страхуя напарника. Девчонка в кустах снова переступила с ноги на ногу. Плохо. Если эти двое начнут штурм прямо сейчас, траектория их атаки срежет её укрытие под корень.

Я поднялся, расправляя плечи. На край пустыря беззвучно вышел мужчина лет сорока. Изношенная рубаша висела лохмотьями, брючина на левом колене пропиталась грязью. Ладони он держал открытыми, но пальцы оставались полусогнутыми — ствол или лезвие явно прятал за поясницей. Мы замерли, пересекшись взглядами. Девчонка притихла, отчаянно пытаясь слиться с корой.

Мужчина сделал короткий, прощупывающий почву шаг.

— Ты давно здесь? — набычился он, не отрывая взгляда от моего рюкзака.

— Достаточно, — я даже не счёл нужным потянуться к оружию.

— Один?

Я слегка повёл подбородком — туда, где в подлеске затаился его напарник.

— А ты?

Мужчина осёкся — понял, что манёвр я просчитал. На секунду в глазах мелькнуло сомнение, а из-за спины уже показался широкий охотничий нож.

— Я тоже один, — соврал он и поудобнее перехватил рукоять.

— Ну разумеется, — хмыкнул я.

Рыжая за деревом именно тогда и совершила глупость. По мокрому сланцу скользнула подошва её кроссовка, резко скрежетнув. Мужик дёрнул голову на звук. Всего на долю секунды, но мне хватило. Дистанция между нами сократилась в один мощный шаг. Мужчина попытался выбросить лезвие вперёд, но я на лету перехватил его грязное запястье, потянул на себя и скрутил сустав против часовой стрелки. Кость хрустнула с сухим хлопком. Лес огласил захлёбывающийся крик, сталь со звоном полетела на гальку. Короткий удар коленом в область печени заставил его согнуться, а локоть сверху в основание черепа впечатал тело в мокрую траву. Он рухнул на четвереньки, судорожно глотая воздух.

И девица решила, что именно сейчас — лучший момент для бегства. Она выскочила из своего убежища и вылетела напрямик на середину каменистой прогалины.

— Стой на месте, дура! — рявкнул я.

Мужчина у моих ног дёрнулся, левой рукой пытаясь дотянуться до упавшего ножа, но удар носком армейского ботинка под подбородок заставил его откинуть голову назад. Из рта брызнула кровь.

Рыжая заметно побледнела, прижав ладонь к губам, и замерла.

Треск веток за её спиной заставил меня выкрикнуть:
— Сзади, блядь!

Из кустов с яростным рёвом вылетел второй — коренастый мужик, заносащий плотницкий топор. Каким-то чудом она успела пригнуться. Лезвие рассекло воздух в паре сантиметров от её плеча.

— Стой! — завизжала она, отмахиваясь своим куцым клинком от наседавшего амбала, и запнулась от страха. — Назад, тварь!

Акцент выдавал американку чистого разлива. Девчонка в панике совершила то, чего я никак не ожидал: вместо того чтобы бежать в чащу, бросилась напрямик ко мне и с размаху спряталась за мою спину, вцепившись в мокрую ткань футболки между лопатками.

Кожу под её пальцами сразу стянуло. Чужая рука за спиной всегда включала один и тот же рефлекс: уйти из захвата, развернуться, перехватить кисть. Плечо уже начало двигаться, прежде чем я остановил его.

Девчонка не хватала меня. Пряталась.

— Ты серьёзно сейчас? — лениво поинтересовался я, зыркнув на неё через плечо.

Я чувствовал её дрожь и частое дыхание где-то возле лопатки. Странное ощущение. Неприятное. И при этом отодвинуть её от себя почему-то не захотелось.

— У него топор, ты видишь?! — прикрикнула она, ловя ртом воздух. — Сделай что-нибудь, ради бога!

— А сама что? — я покосился на её трясущуюся кисть. — Нож зачем в руке?

Амбал не спешил нападать, изучая меня взглядом. Понимал, что моё спокойствие не сулит простым боем.

— Я НЕ УМЕЮ ИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ! — сорвалась она на ультразвук, ещё сильнее сжимая ткань.

Эта паническая честность даже подкупила. Противник с топором уже приближался. Я шагнул навстречу, уклонился от размашистого рубящего удара и перехватил деревянное древко возле его рук. Мужчина попытался высвободить оружие, упираясь ногами в гальку, но я резко подался вперёд. Мой лоб с размаху встретился с его переносицей. Пальцы амбала разжались, он схватился за разбитое лицо, и топор перешёл в мои руки. Один размашистый замах — и его горло было рассечено, тёмная кровь брызнула на песок. Мужик рухнул кулем.

— Боже! — всхлипнула девушка за спиной.

Листья на окраине прогалины снова колыхнулись. Из густой зелени вывалился ещё один силуэт — парень помоложе, державший в руке заточенную арматуру. Чёрт, их трое. Из-

за девчонки я отвлёкся и потерял контроль над периметром.

И под рёбра с левой стороны пришёл сильный толчок. Сначала я почувствовал лишь странное онемение и давление, а затем — волну обжигающего тепла. Опустив взгляд, я увидел рукоять ножа, вошедшего по самую гарду. Тот самый первый ублюдок со сломанным правым запястьем умудрился подняться с колен. Решительный, сука.

Девчонка визгливо ахнула, отступая назад. А мужик, превозмогая боль, ждал, пока мои колени подогнутся, но я наотмашь ударил его кулаком прямо в лобную кость. Под костяшками раздался мокрый хруст, голова противника неестественно мотнулась назад, а тело рухнуло мешком. Череп не выдержал удара, от лицевой кости осталось месиво. Он больше не поднялся.

Я шумно выдохнул через нос, разворачиваясь к парню с арматурой. Тот уже успел оценить исход схватки и всюю уносил ноги обратно в чащу, петляя между деревьями. Разумный выбор, но запоздалый. Перехватив трофейный топор за самый край топорщица, я коротко размахнулся и швырнул его вслед убегающему. Топор несколько раз перевернулся в воздухе и исчез в зелени. Донёсся оборванный вскрик и звук приземления человеческого тела на мягкую землю. Больше ни звука.

— Ты... ты ведь его почти не видел, — рыжая переводила дикий взгляд с кустов на меня и обратно, её губы мелко дрожали, а по щекам лились слёзы.

— Видел, — буркнул я, плотно прижимая ладонь к раненому боку. — Ещё когда ты за моей спиной дышать разучилась.

Она открыла рот, но так и не нашла слов. Я доковылял до кромки зарослей. Топор вошёл беглецу точно между лопаткой и позвоночником, раскроив рёбра и достав до лёгкого. Мёртв. Выдернув сталь из обмякшего тела, я вернулся на прогалину. Девушка отступила на два шага назад, глядя на меня совершенно иначе. Наконец-то до неё дошло, почему я так беспечно сидел у ручья на виду у всего леса. Я бросил окровавленный топор на камни возле первого трупa.

— Всё, чисто, — я сплюнул под ноги вязкую слюну. — Больше тут никого нет. Эти ублюдки следили за мной сутки.

— И ты просто сидел здесь? — её плечи мелко затряслись от подкатывающей истерики. — Спокойно набирал воду?

— Как видишь.

В её глазах страх постепенно вытеснял недоверие. Это хорошо, тут паника убивала быстрее пули, а страх хотя бы заставлял шевелить мозгами. Я перехватил пальцами рукоять ножа, торчащего под рёбрами. Девушка резко вскинула ладони, делая шаг вперёд.

— Стой, не смей! — её лицо потеряло последние остатки розового цвета. — Он же внутри!

— И что ты предлагаешь? — я зло прищурился. — Ходить с железкой в брюхе?

— Его нельзя вытаскивать! — она судорожно сглотнула,

задыхаясь от собственной поспешности. — Откроется кровотечение!

Что-то знает из первой помощи, надо же. Но мне её выкладки сейчас только мешали. Перехватив пальцами скользкий от пота пластик, я одним резким движением выдернул сталь наружу. Боль, от которой мышцы живота свело судорогой, пришла с опозданием на секунду. Я до скрежета стиснул зубы, сдерживая рык. Густая кровь толчками хлынула из бока, пропитывая порванную футболку.

— Ты сумасшедший?! — выкрикнула девушка, пятясь и во все глаза уставившись на глубокий порез. — Ты что творишь?! Ты умрёшь!

— Нормально, — я перевёл дыхание, с силой надавив на рану пальцами, чтобы перекрыть поток. — Не смотри. Тебе вредно.

Она не шевелилась, заворожённо глядя на крупные капли, падающие на серую гальку.

— Эй, — позвал я громче, чувствуя, как внутри всё горит. — Голову в сторону уведи, говорю.

Поздно. Девчонка резко согнулась пополам, уперевшись ладонями в собственные колени. Прямо на камни её и вывернуло. Я прикрыл глаза, втягивая воздух через нос. Отличная компания подобралась, ничего не скажешь.

Далеко не сразу она выпрямилась и тыльной стороной грязной руки утёрла губы.

— Я... прости... — выдавила она, не поднимая глаз и

шмыгая носом.

— Только не говори, что падаешь в обморок от вида крови, — я хмуро наблюдал за её попытками прийти в себя. — Мне с твоей тушкой возиться некогда.

Девушка вдруг уставилась на меня как на выходца с того света. Её зубы мелко стучали, и она поспешно отвернулась к бегущему ручью, чтобы не смотреть на трупы. Я потянулся за рюкзаком — бок прострелило так, что перед глазами вспыхнула белизна. Пришлось остановиться. Девчонка это заметила, глядя на меня со страхом и лихорадочным расчётом. Похоже, решала, кто представляет большую угрозу сейчас: раненый лесной мясник или джунгли. На её месте я бы ушёл один. Но она не уйдёт. Пустая фляжка, порванная одежда и синяки под глазами кричали о том, что без проводника она не протянет и суток.

— Вода нужна? — спросил я, кивнув на её вещи.

Она посмотрела на ручей, затем на обмякшее тело, лежащее в паре метров от кромки.

— Набирай, — скомандовал я.

— И всё? — она нахмурилась, пытаясь перестать всхлипывать. — Ты... ты не собираешься меня прирезать?

Я внимательнее оглядел её фигуру, растрёпанные рыжие волосы и рассыпавшиеся веснушки на переносице. Тонкая, грязная, перепуганная — и всё равно чёрт знает почему цепляла взгляд.

— Пока ты ведёшь себя тихо — нет, — я позволил себе

жёсткую усмешку. — Мне лишнее мясо без надобности.

Девушка вздрогнула, сильнее перехватив рукоять ножа.

— Шучу я, — добавил я. — Расслабься.

Она даже не подумала улыбнуться, только желваки заходили под кожей. Что ж, момент для шуток я явно выбрал не тот.

— Быстрее, рыжая. Время поджигает.

— У меня вообще-то имя есть, — негромко буркнула она, заставив себя подойти к ручью, убирая нож и снимая фляжку. — Пэм.

Хм... Что бы выдумать такое... Чтобы потом не раздражало.

— Ричард, — представился я.

— Ричард... — тихо повторила она, примеряя имя на слух. Её пальцы так сильно тряслись, что она никак не могла открыть крышку.

— Давай помогу, — я протянул руку.

— Я сама! — огрызнулась она, и со второй попытки резба наконец поддалась. Девчонка бросила на меня колючий взгляд. — Видишь? Справилась.

Нормально. Раз огрызается — значит, внутренний стержень ещё не сломан, прямо сейчас не развалится. Пока она набирала воду, я быстро оглядел периметр. Потревоженные шумом схватки птицы снова рассаживались по верхним ветвям, где-то в листве застрекотали цикады. Но торчать у ручья дольше было чистым безумием: запах свежей крови

неизбежно привлечёт либо крупных хищников, либо других участников.

Девчонка перестала копошиться, и я обернулся, выдернул из бокового кармана блистер с таблетками для обеззараживания и бросил одну в её фляжку.

Пэм уставилась на прозрачную воду так, будто я только что испортил единственное сокровище.

— Она же чистая.

— Прозрачная не значит безопасная. Встряхни, — вздохнул я.

Рыжая послушно встряхнула фляжку и сразу принялась пить, слишком жадно, вода текла по её подбородку, заливая воротник и смешиваясь с грязью.

— Тормози. Медленнее пей. Опять наизнанку вывернет. Желудку плевать, от чего ты паниковала пять минут назад. Как ты не сдохла-то, блядь?

Пэм недовольно нахмурилась, но послушалась, сделав очередной, но маленький глоток. Когда я шагнул к ней, её пальцы сильнее сжали металл фляжки, а вторая кисть рефлекторно дёрнулась к ножу на поясе.

— Спокойно, — я приподнял ладони. — Оставь моё второе ребро целым.

— Я спокойна, — соврала она, хотя её расширенные зрачки говорили об обратном.

— Развернись спиной, — скомандовал я.

— Это ещё зачем? — она подозрительно прищурилась, не

двигаясь с места.

— Проверю, не зацепил ли тебя тот амбал с топором. Мало ли, в горячке не заметила.

Она неохотно подчинилась, подставив мне лопатки.

— Меня не задело. Я бы точно почувствовала, если бы мне разрубили лопатку.

— Ты мужика в трёх метрах за своей спиной не почуяла, так что насчёт топора я бы на твоём месте не хорохорился. Замри.

Я аккуратно отвёл в сторону грязную, разорванную ткань на её плече. Кожа, к счастью, оказалась целой, лишь длинная пунцовая полоса тянулась вдоль позвоночника. Скользнуло самым краем, веткой или обухом. Без заражения. Пальцы невольно задержались на полсекунды дольше, чем требовалось. Под тонкой тканью угадывалась линия лопаток и дальше — мягкий изгиб поясницы.

— Здесь откуда прилетело? — я бесцеремонно ткнул пальцем рядом с царапиной, заставив её вздрогнуть.

— Наверное, сук зацепила, — она безуспешно попыталась обернуться через плечо, кривясь от дискомфорта. — Я бежала через чащу от какого-то психа с тесаком и не вела путевой дневник, обо что бьюсь головой.

— Что ещё за псих? — я нахмурился. — Подробнее.

— Вчера, почти сразу после высадки, — Пэм передёрнула плечами от неприятного воспоминания. — Мужчина в камуфляже без слов бросился на меня с ножом. Я еле ноги унесла

через ручей.

— Один шёл?

— Да. Один.

— Понятно.

Я покачал головой. Девчонка не умела элементарно выбрать маршрут и маскировать шаги, но каким-то чудом продержалась первые сутки. Чистое везение.

— Уходим вместе, — я закинул сумку на плечо, стараясь не тревожить бок, и двинулся в тень деревьев. — Одна ты здесь до темноты не доживёшь.

— Ты меня вообще не знаешь, чтобы делать такие выводы, — насупилась она, но зашагала следом.

— Мне достаточно того, что я видел последние полчаса. Топаешь как раненый лось, следы оставляешь такие, что даже слепой наёмник найдёт. К открытой воде подходишь с подветренной стороны — любой зверь по запаху вычислит. Нож сжимаешь так, словно это поручень в автобусе. И в довершение — спряталась от меня за пальмой, которая в два раза уже твоей задницы.

— Нормальное было дерево! — Пэм густо покраснела до корней волос и шумно выдохнула: — И вообще, ты меня не видел, пока я сама не подошла!

— Я минут двадцать наблюдал за твоими манёврами, — я прибавил ходу и проигнорировал её возмущение. — Двигаемся быстрее. Нам нужно найти место для ночлега, где можно будет нормально лечь, а не привязывать себя к веткам.

— Да откуда ты... — прошипела она от изумления, заставив меня оглянуться. — Ты что, следил за мной?!

Я выразительно кивнул на моток верёвки, приметно торчащий из бокового кармана её рюкзака, и сразу ушёл с натоптанной тропы в густые заросли.

— Зачем тебя вообще сюда привезли? Кто ты такая?

— Меня похитили, — отозвалась она, спотыкаясь о лианы, но упрямо поспевая за мной. — Если бы я сама понимала, почему...

Я снова бросил на неё оценивающий взгляд через плечо: тонкие запястья, хрупкие плечи, но спину держит ровно, словно аршин проглотила. Никаких повадок оперативника или профессионального военного.

— На бойца ты не тянешь, — констатировал я, приподнимая мачете колючую ветку. — Карьера в криминале или наёмниках явно прошла мимо тебя. Кто ты по жизни?

— Я балерина, — отрезала она, посмотрев на меня со смесью злости и усталости.

— Балерина? — я невольно усмехнулся.

Теперь её идеальная осанка, неестественная выворотность стоп и налитые икроножные мышцы мгновенно встали на свои места. А на гибкость я бы ещё посмотрел...

— Что ж, это многое объясняет. Похоже на правду.

— Ты сказал это с таким выражением лица, — Пэм недовольно поджала губы, — будто это что-то смешное или постыдное.

— У меня обычное лицо, ягодка, — я хмыкнул, прорубая дорогу дальше. — Какое выдали при рождении.

— Сочувствую твоим близким, — съязвила она, утирая пот со лба.

Я тихо рассмеялся. Кусается, с характером девка — это хорошо. Мы продвигались вглубь чащи, обходя топкие низины. Пэм шла строго след в след, испуганно вздрагивая и втягивая голову в плечи от каждого резкого крика птиц.

— Всё произошло две недели назад, — тихо продолжила она, когда тишина стала давящей. — Я задержалась после репетиции, вышла около полуночи. На парковке стоял чёрный фургон. Подумала, что это доставка декораций. Назад оглянуться не успела — двое в масках, удар, темнота. Очнулась уже в бетонном бункере. Лица они почти не скрывали, но на контакт не шли. Никаких требований, ни слова о выкупе. А потом вкололи какую-то дрянь, и пришла в себя я уже в летящем вертолёте с мешком на голове.

— Охраны рядом не было? — спросил я.

Пэм поморщилась.

— Был водитель с функциями телохранителя. Я сама отпустила его около десяти: репетицию продлили, а я терпеть не могла, когда человек часами сидит под дверью. Отец из-за этого постоянно бесился.

Похищение без классического вымогательства или допросов с пристрастием... Переброска на изолированный кусок суши в качестве живой мишени... Схема была мне слишком

хорошо знакома.

— Твоя фамилия? — я замер на месте и круто развернулся.

— Какая разница? — она подозрительно прищурилась, рефлексивно касаясь ножа.

— Фамилия. Быстро.

— Осборн, — Пэм выпрямилась, упрямо вскинув подбородок. — Памела Осборн.

Ответ вытянул из памяти старые куски расследования. **Osborn Biomedical** несколько раз всплывала в цепочках Zero: закрытые подрядчики, деньги на исследования мента-людей, фамилии учёных, исчезавшие из открытых баз. Сам Джонатан Осборн давно числился в моём списке смертников. Причастность была. Деталей — нихрена.

А теперь рядом со мной шагала его дочь. Полезная нитка. Позже, если мы вообще выберемся отсюда.

Хреново было другое: решение тащить Пэм за собой я принял раньше, чем услышал фамилию. У ручья я понятия не имел, кто она такая. Просто не захотел оставлять невиновную на корм местным ублюдкам.

Что со мной?

— Ну, поздравляю, маленькая балерина. Тебя слили. И дело тут на все сто процентов в твоём высокопоставленном папаше.

— При чём здесь мой отец?! — в её глазах проступило явное замешательство, она даже сделала шаг ко мне. — От-

куда такие выводы?

— Фамилия слишком приметная, — я двинулся дальше, придерживая бок, где снова запульсировала боль. — Людей с такими корнями сюда ради забавы не привозят. Балерин не похищают, чтобы просто выбросить посреди закрытого архипелага.

— Закрытого архипелага? — сорвалась она на едва различимый шёпот. — Где мы находимся?

— Всё обсудим, когда найдём безопасную нору, — отрезал я, заставляя её нагонять темп. — Держись моей спины и не отставай, если хочешь дожить хотя бы до заката.

Она скользнула взглядом по пятну, пропитавшему мою футболку. Её лицо снова побледнело.

— Хватит трястись, — добавил я. — Это всего лишь кровь. Здесь её будет много.

— Ничего не могу с собой поделать... — выдохнула она, отворачиваясь в сторону.

Я приподнял покрытую длинными шипами ветку, давая ей возможность пройти. На этот раз Пэм сработала грамотнее: сначала внимательно осмотрела подлесок впереди, проверила периметр за спиной и только после этого аккуратно перешагнула через выпирающий склизкий корень. Ну вот, вид сзади уже поинтереснее будет.

Марш до берега занял у нас часа полтора. Могли бы быстрее, если бы я шёл один, но Памела заметно уставала, хоть и не жаловалась, что уже было неплохо для неженки. Я по-

малкивал, чтобы лишний раз её не накручивать — рыжая и без того из кожи вон лезла.

— Почему мы идём именно туда? — спросила она, когда между деревьями замаячил слепящий свет, а сквозь шум листвы пробился рокот прибоя. Она со свистом дышала, указывая пальцем вперёд, откуда ощутимо тянуло солёной свежестью.

— Так спокойнее, — коротко бросил я.

— Но ведь там мы будем как на ладони. Нам же сложнее будет укрыться, если кто-то нападёт.

Я резко остановился. Пэм едва не врезалась в меня и тоже замерла. Она не отшатнулась, но её плечи напряглись.

— Что именно тебе непонятно в правиле «держишься рядом»? — спросил я, глядя на неё сверху вниз и нависая всем телом.

Она упрямо смотрела мне в глаза, преодолевая страх, хотя её нижняя губа подрагивала.

— Всё понятно, — тихо буркнула девчонка, опуская взгляд под моим напором.

— Вот и отлично.

За спиной послышалось обиженное ворчание, стоило мне сделать последние шаги к полосе прибоя:

— Просто спросила. Обязательно так орать...

Уголок моего рта невольно дёрнулся. С характером балерина, далеко не пустая кукла.

Солнечный свет ударил по глазам, заставив прищурить-

ся. Впереди, насколько хватало взгляда, растянулась широкая полоса светлого песка, за которой начиналось море — прозрачное у самой кромки и густо-синее ближе к линии горизонта.

Я вышел на пляж первым, Пэм притормозила под защитой раскидистых листьев. Слева береговая линия круто изгибалась, упираясь в серые скалы. Справа тянулся ровный пляж, местами заваленный сухими ветками. Никаких свежих следов человека на песке не просматривалось. Пока что.

— Ну, чего стоишь? — я обернулся к ней, щурясь от солнца. — Идёшь или обратно в кусты хочешь?

Она наконец решилась, сделала шаг на раскалённый песок и тут же прикрыла глаза ладонью.

— И здесь действительно безопаснее, по-твоему? — Пэм окинула открытый берег испуганным взглядом.

— Конкретно для меня — да.

— Почему?

— Потому что я вижу, кто идёт меня убивать, — я сбросил рюкзак подальше от линии прибоя. — Разведи костёр, — скомандовал я, присаживаясь у сумки.

— Я? — Пэм растерянно округлила глаза, её брови взлетели вверх. — Сам не можешь?

— Ты видишь здесь кого-то третьего, — я обвёл глазами пустой пляж, — кто мог бы заняться делом?

— Нет, — она быстро покачала головой, признавая поражение и поджимая губы.

— Значит, разводишь ты, — я достал из кармана рюкзака коробку спичек и точным броском заставил её полететь девчонке прямо в руки. Памела неуклюже, едва не выронив, поймала её обеими ладонями.

— Сухие ветки вон там, — я махнул рукой в сторону завалов хвороста. — Только глубоко под деревья не суйся, собирай у края.

Она молча кивнула, без лишних споров направившись к кучам. Идеально. Правда, пропитанная кровью ткань прилипла к коже, вызывая раздражение. Я потянул футболку через голову, морщась от того, как она отходит от подсохшей раны. Для обычного человека такая дырка стала бы катастрофой, для меня — просто досадная помеха, которая бесила. Рыжая, едва обернулась — тут же испуганно увела взгляд в сторону леса, густо покраснев. Смешная.

Перехватив мачете, я направился к линии прибоя.

— Ты куда собрался? — испуганно выкрикнула Памела мне в спину, бросая первую охапку веток на песок и делая шаг в мою сторону.

— За нормальной едой.

— А я...

Девчонка осеклась, кажется, понимая, что удерживать меня бессмысленно. Я молча вошёл в морскую воду, чувствуя, как соль обожгла рану. Полезно, быстрее затянется.

Я вернулся обратно на пляж минут через сорок, когда солнце уже начало клониться к закату. Пэм неподвижно си-

дела на коленях перед кучей наваленного хвороста. Костра не было. Вообще. Никакого намёка на дым. Я остановился над ней, молча глядя на эту живописную картину, перевёл взгляд на хворост и затем уставился девчонке прямо в макушку.

Она неохотно подняла лицо. В её глазах читалось чёткое понимание того, что оправдываться сейчас будет тяжело.

— И сколько спичек ты уже умудрилась перевести впускую? — спросил я, опуская на песок добычу: несколько крупных моллюсков, прибрежных крабов и мелкую рыбёшку, которую удалось прижать между камнями на мелководе.

Она виновато покосилась на полупустой коробок в ладони, её пальцы подрагивали от досады.

— Не так много, как могла бы, если бы совсем не старалась.

— Конкретную цифру назови.

— Ну, штук десять... — она замялась, пряча взгляд. — Может, двенадцать. Не считала я!

Я присел рядом на корточки, беря в руки одну из обугленных веточек, которыми она пыталась разжечь пламя.

— И почему оно, по-твоему, отказывается гореть?

— Не знаю, — она искренне расстроилась, едва не плача.

— Они лежали на мокрой земле, — я вздохнул, разламывая ветку пополам и демонстрируя сырую сердцевину. — Они насквозь пропитаны влагой, разве не очевидно?

— Я не знала таких тонкостей, — тихо ответила она, под-

жав под себя ноги и шмыгнув носом.

Со вздохом выбрав из её кучи несколько толстых ветвей, я расщепил древесину и соорудил небольшое подобие гнезда. Чиркнул одной-единственной спичкой. Огонь тут же уцепился за щепку, повалил густой белый дым. Я осторожно подул. Через минуту пламя уже всю лизало хворост, согревая воздух. Памела наблюдала за процессом с таким заворожённым видом, словно я только что на её глазах сотворил чудо.

— Всё просто, как видишь, — я подкинул пару коряг покрупнее, от которых в воздух взлетели искры.

— Я не привыкла выживать на необитаемых островах, — обняла она свои колени, не отрывая взгляда от огня. — Моя жизнь состояла из совершенно других вещей. Что вообще тут происходит? Зачем нас сюда привезли?

Я разворошил палкой угли, подготавливая место для жарки.

— Это шоу. Обычное развлечение.

— Шоу? — Пэм подалась вперёд, её зрачки расширились от удивления. — Какое ещё шоу?

— Для особо богатых и больных, — я взял краба и устроил его на углях. — Они собирают всякий сброд: беглых преступников, наёмников, завязавших убийц, должников. Выпускают на изолированный полигон и делают ставки.

Цвет лица Пэм снова начал стремительно меняться на бледный.

— Ставки... — с трудом выдавила она, её нижняя челюсть задрожала. — На что именно?

— Да на всё подряд, — я швырнул в костёр раковины моллюсков. — Кто загнётся в первые сутки, кто кого прирежет. И, главное — кто в итоге дойдёт до финала.

Она смотрела на трещащие ветки, не мигая, её пальцы перебирали песок.

— Ты сейчас серьёзно это говоришь?

— Более чем серьёзно.

— И что получает тот, кто победит?

— Полноценную свободу. Чистые документы на любое имя. И бабки. Они устраивают кровавую бойню на выживание.

Она долго молчала, переваривая информацию. Было слышно только, как она прерывисто дышит.

— Шоу... — Пэм сглотнула вставший в горле ком. — То есть это как в «Голодных играх»? Такое бывает... Только в кино.

— Один в один, маленькая балерина, — я невольно усмехнулся её сравнению. — Вся эта медийная развлекаловка по телеку — отражение реальности. Просто настоящую версию не показывают широкой публике.

Я перевернул мачете шипящих на огне крабов. Запах печёного мяса заполнил пятачок у костра. Пэм проводила мою руку долгим взглядом, в котором сквозило нарастающее подозрение.

— А ты сам? — она подняла на меня глаза, полные лихорадочного блеска. — Как ты сюда попал?

— Что я? — я невозмутимо убирал нагар с лезвия.

— Ты преступник? Или наёмник?

— Не знаю, смотря по какой иерархии.

— Но ты же сам сказал, — она запнулась, сжимая кулаки, — что сюда привозят только...

— Обычно — да, — перебил я её. — Я даже хотел прикрыть их когда-то. Потому что иногда сюда попадают такие люди, как ты.

Пэм начала пристально изучать моё лицо, пытаясь уловить хоть каплю лжи в мимике. Страх в её взгляде постепенно уступал место интересу.

— И сколько времени ты уже торчишь на этом острове? — спросила она.

— Скоро месяц будет.

— Месяц? — она удивлённо моргнула. — А ты знаешь, где конкретно мы находимся? Где этот остров на карте?

Я перевёл взгляд на горизонт, над которым уже загорались первые звёзды.

— Примерно. По растительности, влажности и морю — где-то в Карибском бассейне. Точный остров без навигации не назову. За месяц я не видел ни одного случайного судна, значит, район либо частный, либо коридоры перекрывают. До крупной суши отсюда запросто может быть сотня-другая километров.

Девчонка уставилась на мерно набегающие волны. Цифра явно произвела на её сознание должное впечатление — она сжалась ещё сильнее.

— И выбраться отсюда... — её дыхание перехватило, — только победив? Почему они вообще отпускают победителя?

— По их задумке — да. Некоторые участники тут по своей воле. Если бы победителя не отпускали — было бы не так интересно.

Я проверил ножом рыбу. Мясо уже легко отделялось от хребта, пуская сок.

— Будь я полегче — давно бы попытался переплыть эту лужу.

— Двести километров? — Пэм удивлённо вскинула брови. — В открытом море?

— Но есть одна проблема: я на воде практически не держусь.

— Почему это? — она непонимающе нахмурилась. — Не умеешь плавать?

— Плавать умею, — я криво усмехнулся. — Физика против.

— А плот? — она перевела взгляд на свои грязные кроссовки. — Почему нельзя построить большой, надёжный плот из брёвен?

— Я пробовал, — мой тон стал суше, а челюсти сжались. — Стоит начать строить что-то достаточно большое — другим кидают ориентировку. Им нужно зрелище.

— То есть... они следят за каждым шагом?

— Постоянно, — я цинично усмехнулся. — Так что... хуево-кукуево, а не райский уголок.

Она тихо, прерывисто вздохнула, сильнее обхватив колени руками.

— Я всё равно не понимаю... За что тут я? Я никого в жизни не обидела.

— За грехи отца.

Не дожидаясь ответа, я спокойно сунул голую руку прямо в огонь. Пэм от неожиданности резко подалась вперёд, вскрикнув и едва не свалившись в песок.

— Ты что, с ума сошёл?!

Мои пальцы сомкнулись на раскалённом панцире запечённого краба. Я вытащил добычу и бросил её на брезент рюкзака, затем выудил второго и рыбину. Запах палёной кожи на моих пальцах смешался с едким дымом от хвороста. Девчонка смотрела на мою ладонь с неверящим ужасом. Не на готовую еду, а именно на пальцы. Я заметил её взгляд, но предпочёл промолчать, хладнокровно вытирая руку о песок. Так просто было быстрее.

— Кто ты такой на самом деле? — тихо спросила она.

Я взял кусок запечённой рыбы, отделяя мясо от костей.

— Я уже назвал своё имя. — Я прекрасно понимал, о чём она спрашивала. Бок тоже уже затянулся.

— Я не про имя спрашиваю... — Пэм упрямо поджала губы.

— Этого вполне достаточно для нашего пикника.

Пэм поспешно отвернулась, принимаясь испуганно осматривать кроны ближайших деревьев, её всю заметно трясло.

— Камеры пытаешься разглядеть? — спросил я, краем глаза наблюдая за ней.

— Да. Они действительно есть?

— Обвешано прилично. Некоторые увидишь, большинство — нет. Оптика у них высококласная.

— То есть нас прямо сейчас кто-то снимает? — Пэм сглотнула, её руки покрылись гусиной кожей. — Смотрит на экране?

— С вероятностью процентов в девяносто — да. Мы сейчас в топе трансляции после той драки у ручья.

— И звук они тоже пишут? — спросила она шёпотом. — Каждый шорох?

— У тебя в шее передатчик с микрофоном. Уверен, пишет идеально.

Пэм вскинула руку к затылку, нащупывая кожу у основания черепа. Пальцы замерли. Она нашла его: маленькое твёрдое уплотнение размером с рисовое зерно прямо под кожей.

— Не советую пытаться расковырять его, — предупредил я, заметив её жест.

— Они... они вживили мне это, пока я была без сознания? — в её глазах блеснули слёзы.

— Мне откуда знать? — я пожал плечами, продолжая разделять добычу.

Пэм смотрела на меня сквозь пелену подступающей влаги, её дыхание стало прерывистым.

— И его никак нельзя удалить? Вообще никак?

— Достать-то можно при желании, — я слегка потряс ладонью, на которой обожжённая кожа уже на глазах бледнела. — Но это прямо-таки крышесносно.

Её рука мгновенно опустилась вдоль тела. Правильное решение, паника здесь плохой советчик. Я пододвинул рюкзак с едой ближе к её коленям.

— Ешь давай, а то скоро ночь.

Она даже не прикоснулась к нему. Так и сидела неподвижная и бледная.

— Я не могу это есть. У меня... аллергия на морепродукты.

Я замер с куском рыбы в руке и медленно повернул к ней голову. Посмотрел на гору дышащего паром крабового мяса, затем на бескрайнее море, из которого всё это достал. И только после этого уставился девчонке прямо в переносицу.

— И сколько ещё ты собиралась молчать? — мой голос стал опасно тихим, а глаза сузились.

От перемены в моём поведении Пэм сжалась, втянула плечи.

— Я вернулся с этой добычей почти час назад, — я с силой воткнул мачете в песок. — Что мешало открыть рот и сказать

сразу?

— Я просто... — она запнулась, опуская глаза и пряча дрожащие руки. — Я не хотела... злить тебя.

Злить... Вот теперь всё встало на свои места. Девчонка не просто тупила — она банально была запугана до полусмерти моим присутствием и действиями. Я прикрыл глаза рукой, шумно выдыхая и глухо прорывав что-то невнятное себе под нос.

Памела осторожно шевельнулась, нарушая затянувшуюся паузу, и робко посмотрела на меня.

— Пожалуйста, ответь на мой вопрос...

— На какой ещё вопрос, Господи? — я устало потёр переносицу.

— Кто ты такой? — она упрямо кивнула на мою руку. — Ты из какого-нибудь секретного ведомства? Из ЦРУ? Спецлаборатория? Откуда все эти знания про передатчики и организаторов? И что, чёрт возьми, происходит с твоим телом? Ты супергерой?

— Супергерой? — я прыснул от смеха и решительно поднялся на ноги, выдёргивая мачете из песка. — Сиди тут, карауль вещи и не задавай лишних вопросов.

— Куда ты? — в её глазах снова замелькала паника.

— За нормальной едой, от которой ты не отбросишь копыта в ближайшие пять минут, — ответил я, направившись к зарослям.

— Но есть же сухпаёк в рюкзаке!

— Тебе этого пайка на два дня едва хватит, если экономить, — отрезал я, даже не оборачиваясь.

— А если кто-то из участников выйдет на пляж, пока тебя нет?!

— Бери оружие и ори. Я услышу.

Больше никаких дурацких вопросов и возражений. У самой кромки деревьев я обернулся через плечо. Девчонка сидела и качалась из стороны в сторону, выглядя совсем крошечной на фоне шумящего моря.

Абсолютно чужая и неприспособленная для этого проклятого места девица.

Я вошёл под густой навес тропических крон. Птиц и мелкой дичи тут хватало с избытком, раздобыть еду для меня проблемой не было. Гораздо более убойной проблемой для меня становилась сама Памела. Балерина. Дочь Осборна. Не умеет разводить костёр. Боится крови. Но жалко её, сука.

Я невольно усмехнулся собственной глупости. Надо же было так вляпаться. Теперь мне придётся не просто выживать самому, но и кормить эту рыжую ягодку по отдельному меню.

Глава 3. Памела. Убежище

(Трек AFTER DARK MR.KITTY Cover - Cream)

Одиночество у затухающего костра растянулось почти на час, превратив каждый шорох в предвестник беды. Сначала я уверяла себя, что Ричард просто задержался в чаще. Позже в голову полезли мысли о погоне и людях, караулящих его где-то поблизости. Под конец перегретый мозг и вовсе выдал дикую идею: никакого спасителя не существовало, а мужчина, ломающий кости голыми руками и сующий ладони в огонь, причудился мне в бреду.

Я подтянула колени к подбородку и впиалась пальцами в щиколотки. Взгляд метался между мерно набегающими волнами и джунглями. Нож лежал на песке у самой ноги, готовый к атаке. Теоретически. На практике же, выскочи сейчас из зарослей очередной безумец с топором, я наверняка сначала завопила бы во весь голос, выронила оружие и метнулась напрямиком в воду.

Картина недавней бойни у ручья стояла перед глазами, выжженная на сетчатке. Один короткий, точный выпад. Хруст костей, от которого внутренности сжимались в ком. Поваленное тело, потерявшее человеческие черты. Пришлось зажмуриться, уткнувшись лбом в мокрые от пота колени и заставив себя дышать глубже.

Он защищался. Он спасал мою жизнь. Нападавшие нанес-

ли удар первыми: один едва не снёс мне голову, второй во-
гнал лезвие Ричарду прямо под рёбра. Это были преступни-
ки, высаженные на остров ради кровавого развлечения бога-
чей. Ричард лишь ответил на агрессию. Я твердила эти фра-
зы про себя, как заклинание, в надежде, что кровавая пелена
перед глазами наконец рассеется.

Резкий треск у леса заставил меня подскочить на месте.
Пальцы сами замкнулись на шершавой рукояти ножа, а но-
ги отшагнули назад. «Увидишь человека — бери оружие и
ори». Инструкция сработала на автомате.

Из тени вынырнула знакомая массивная фигура. Напря-
жение, сковавшее плечи, отпустило, вырвавшись наружу
рваным выдохом. Я опустила клинок.

— Господи...

Ричард шёл свободной походкой, держа за лапы большую
тёмную птицу с перебитой шеей. Выглядел он при этом на-
столько буднично, словно возвращался из продуктовой лав-
ки за углом.

— Уже молитвы возносишь? — он остановился у погас-
шего костра, бросив тушку на песок.

— Я решила, что тебя... — слово застряло в пересох-
шем горле. Признаваться в собственной панике расхотелось.
Взгляд опустился на его обнажённый торс, и дыхание снова
перехватило.

Там, где несколько часов назад торчал нож и сочилась
кровь, осталась лишь пунцовая полоса. Чистая, закрывшая-

ся кожа без малейшего намёка на глубокий порез. Я отказывалась верить собственным глазам: шрам, словно от лёгкой царапины...

Ричард уселся на песок и вытащил из рюкзака охотничий клинок.

— Аллергия на морепродукты... Я тебе не Тарзан. В последний момент не выяснится, что ты вегетарианка?

— Нет, — я с трудом заставила себя оторвать взгляд от его живота.

— Точно?

— Абсолютно.

— Что ещё способно отправить тебя на тот свет?

— Весь список аллергенов планеты я не тестировала, — буркнула я, садясь обратно на песок.

Его бровь иронично поползла вверх. Вздохнув, я опустила глаза.

— Прости. За морепродукты.

Он приступил к ловкой разделке тушки, а я поспешно отвернулась к морю. Наблюдать за распотрошением свежей плоти мой разум отказался категорически. А мысли снова вернулись к его фантастической регенерации.

Мета-человек — адекватное название масс-медийных выдуманных «супергероев», с упоминания которых Ричард посмеялся. Единственное объяснение, вписывающееся в рамки. За последние десять лет эти аномалии окончательно вышли из разряда газетных уток, превратившись в предмет

международных споров, научных тайн и жёстких законов. Люди с изменённой геномикой, способные переносить смертельные нагрузки, выживать после тяжелейших ранений и демонстрировать сверхчеловеческие показатели... Я никогда не видела их вживую, только в выпусках новостей.

Но почему он молчит? Ответ пришёл сам собой, стоит лишь вспомнить о выпуклом зерне под собственной кожей. Они слушают. За мета-людьми ведётся охота во всём мире. Если Ричард скрывает свою природу, то делает это ради безопасности. Возможно, он действительно оперативник под прикрытием, проникший на этот остров, чтобы уничтожить организаторов шоу изнутри. Он знал правила и уничтожал других участников с профессиональной точностью.

Ричард внезапно прекратил работу и поднял глаза, пересекшись со мной взглядом. Чёрт, я откровенно пялилась на него.

— Что ты там высматриваешь?

— Ничего. — Я резко перевела глаза на набегающую волну. — Задумалась просто.

— Опасное занятие.

Он возобновил разделку. Вопрос, терзавший меня с самого момента нашей встречи у ручья, так и рвался наружу. Задавать его было страшно — я боялась разрушить то хрупкое равновесие, которое между нами образовалось. Ричард оставался единственным человеком, подавшим руку. Он мог бросить меня, забрав вещи, но вернулся с добычей только

потому, что мой организм не переносил рыбу. Но вдруг я просто накрутила себя?

Сглотнув ком в горле, я тихо спросила:

— Зачем... зачем ты тащишь меня с собой? Зачем спас?

Он медленно поднял голову, въедливо всматриваясь в моё лицо.

— Мне тебя жалко. Хотя от твоей болтовни у меня уже возникло желание передумать.

Твою мать... От этого ответа я даже вдох боялась сделать, но в уголке его губ проскользнула усмешка.

— Шучу я, расслабься.

Воздух с сипом вернулся в лёгкие. Напряжение в мышцах ослабло не сразу.

— Красавица, тут стоит думать, что спрашивать и что говорить.

Поняла. Конспирация. Он не откроет карт, пока над нами висит это чёртово наблюдение. Но главное проступило чётко: он не собирается от меня избавляться.

— Я всё поняла.

— Вот и отлично.

Готовили птицу мы молча. Ричард умело орудовал ножом у заново разведённого огня, я лишь подавала ветки и аккуратно переворачивала вертела.

— Держи, — он протянул мне обугленный сочный кусок на плоском сланце.

— Уже готово? — приняв импровизированную тарелку,

я обожгла пальцы и принялась перекладывать горячее мясо из ладони в ладонь. — Спасибо.

— Ешь давай.

Первый кусок дался тяжело — воображение упрямо рисовало пернатую тушку до разделки. Но голодный спазм оказался сильнее брезгливости. Мясо оказалось жестковатым, пахло дымом, но в текущем положении казалось вкуснее любого ресторанного деликатеса.

— Ты реально балерина? — спросил Ричард, отправляя в рот порцию еды.

Я невольно глянула на количество морепродуктов и мяса... Этим можно было бы прокормить человека три. Нам что, придётся это всё выбросить?

— С пяти лет на пуантах, — я кивнула, отламывая волокнистый кусочек. — Мама привела в студию, когда я ещё толком не соображала, хочу этого или нет.

— И как, затянуло?

— Втянулась со временем. Сначала ненавидела каждую минуту у станка, а потом получилось. Когда начинает получаться то, что не даётся остальным, появляется азарт.

— Азартом многие расплачиваются, — хмыкнул он.

— А ты? Чем занимался до...

— Работал.

— Кем?

— Много кем.

Разговор упёрся в стену. Навязываться дальше я не ста-

ла, понимая, что расспросы бесполезны. Прожевав очередной кусок, я тихо спросила:

— Каковы наши шансы выбраться отсюда живыми?

— Процентов шесть, — Ричард ответил без малейшей паузы, не отрываясь от еды. Он смотрел на меня холодным, пустым взглядом, от которого пошли мурашки.

Я застыла с поднесённой ко рту едой. Шесть процентов. Слишком точная цифра. Он ещё и чёртов математик?

— Почему шесть? Откуда такая точность?

— Без твоей компании было бы сто, — спокойно добавил он.

Всё сжалось от стыда. Возразить было нечего. Без него я бы загнулась ещё у ручья от обезвоживания или попала под топор.

— Что с лицом? — в его голосе прозвучали ироничные нотки. — Я цифру из головы взял. Шесть процентов звучат солиднее, чем «без понятия».

Я вскинула глаза, встречая его насмешливый взгляд. Мне было как-то не по себе от того, что я не понимаю его эмоций.

— Очень смешно... А если серьёзно?

Ричард тихо рассмеялся, подбрасывая кость в угли. Чувство злости испарилось, уступив место нервному смеху на выдохе.

— Рано или поздно все перебили бы друг друга. Какой-нибудь серийный убийца, которого в конце концов не будет жалко, зачистил бы остров.

— А победитель должен быть только один... Значит, у меня шансы нулевые.

— Посмотрим, — он поднялся, отряхивая ладони от песка. — Я играть не собирался.

Я взглянула на него. Он не просто пытался выжить — он намеревался сломать эту систему. Герой... Я вправду начала верить, что спасители выглядят именно так: хмурые, жёсткие, не стесняющиеся в выражениях и готовые ломать врагам кости ради чужого спасения.

После трапезы Ричард заставил меня взять в руки нож. А я не могла отделаться от удивления, сколько же он ест. Выбрасывать ничего не пришлось.

— Хват неверный, — он подошёл сзади, его широкая ладонь накрыла мою кисть. — Ослабь пальцы. Не сжимай рукоять так сильно.

— Выроню же, если расслаблю...

— Не выронишь. Большой палец упором вот сюда. При жёстком зажиме рука забьётся после пары выпадов, и тебя просто разоружат.

Он скорректировал положение моих пальцев, и клинок лёг в руку как влитой, став продолжением предплечья. Тепло его ладони осталось на коже ещё несколько секунд после того, как он убрал руку.

— Ещё раз, сама.

Я повторила движение, перехватывая рукоять.

— Уже лучше, — одобрил он. — А теперь запоминай, как

двигаться.

Следующие полчаса он вбивал в меня базовые правила выживания: не наступать на сухой валежник, огибать топкие низины, сканировать подлесок по секторам и чутко следовать звукам леса.

— Если птицы в кронах резко замолкают — задержи дыхание и занизись. Это значит, что рядом инородный объект.

— Человек?

— Или крупный хищник. В любом случае — ничего хорошего.

— Впечатляющие перспективы...

— Учись смотреть по сторонам, маленькая балерина. Твоя жизнь теперь зависит от скорости реакции.

До наступления сумерек мы углубились в чащу, уходя от побережья. Чем дальше оставалась вода, тем сильнее сжималось кольцо страха. Я впитывала каждое его слово, как губка. Его указания стали для меня единственным ориентиром в этом кошмаре. Если Ричард велел замереть — я замирала. Велел пригнуться — прижималась к земле. Неделю назад я бы ни за что не доверила свою судьбу незнакомцу. Но неделю назад за мной не охотились вооружённые убийцы.

В плотных тропических зарослях обзор ограничивался парой метров, за каждым кустом мерещилась засада. Я без конца оглядывалась через плечо.

— Не трясись ты так, — бросил Ричард, не сбавляя шага.

— Я не трясусь.

— Опасность перед тобой. И внимательнее смотри под ноги.

— Проще сказать, чем сделать...

— К нам никто не подойдёт. Расслабься.

Я заставила себя выдохнуть, но расслабиться не получилось. Мысль «если Ричард рядом — мы в безопасности» звучала слишком удобно и просто. Зависимость в этом месте могла стоить жизни.

Его убежище располагалось на крутом скалистом склоне. Перед нами высилась мокрая от сырости каменная глыба, покрытая мхом и спутанными корнями. На высоте метров шести темнел узкий лаз.

Задрав голову, я с ужасом оценила подъём:

— Нам обязательно карабкаться туда?

— Там неплохая пещера, — Ричард уже проверял носком ботинка уступы, а после двинулся подниматься наверх. — Тебя могу уложить спать где угодно, а сам не рискну на открытой местности.

Я ухватилась за толстый скользкий корень. Первый метр дался относительно легко, но на втором подошва сорвалась с камня. Колено больно ударилось.

— Замри, — Ричард спустился на шаг ниже. — Дай руку.

Я протянула ладонь, и он рывком подтянул меня вверх. Легко, словно я ничего не весила. Его пальцы сжали мою талию, переставляя тело на устойчивый карниз. Жар его ладоней прожёл тонкую ткань футболки.

— Толкайся левой ногой. Выше.

Я попыталась дотянуться до верхнего выступа, но мох соскользнул под пальцами. Сдавленный вскрик вырвался из груди, нога поехала вниз. Ричард попытался перехватить меня, но пальцы скользнули, и я кубарем съехала к самому подножию склона, сдирая кожу на ладонях в кровь.

Сидя в грязи у подножия скалы, я застыла. Силы окончательно иссякли. Всё скопившееся отчаяние — похищение, перелёт, трупы и бесконечная боль — прорвалось наружу лавиной горячих слёз.

— Ты издеваешься надо мной? — раздалось сверху.

Я закрыла лицо руками, плечи затряслись от беззвучных всхлипов. Голос сломался, превратившись в жалкое сипение:

— Я... я сейчас встану... Сейчас залезу...

Подняться не получалось. Суставы норовили сложиться, пальцы горели от ссадин. Мысль остаться здесь, на мокрой земле, и просто зажмуриться навсегда казалась единственно верной.

Я даже не услышала, как Ричард оказался рядом и опустился на корточки около меня. Я ждала колких замечаний или грубых приказов, но он лишь повернулся ко мне широкой спиной, перекидывая рюкзак на грудь.

— Полезай на загривок.

— Что? — я утёрла слёзы грязным запястьем, взглянув на него.

— Цепляйся за шею, кому говорю. Упрямство своё отло-

жи до лучших времён.

— Я могу сама... Ты меня туда не затащишь...

— Я вижу, как ты можешь.

Превозмогая стыд, я поднялась на дрожащих ногах и обхватила его плечи. Ричард легко поднялся во весь рост, а я сжала бёдра вокруг его талии. От его кожи исходил такой мощный жар, словно я прижалась к раскалённой печи. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, он должен был его слышать.

— Держись крепче и не крутись, — предупредил он, нащупывая носком ботинка уступ.

Он пошёл вверх по мокрой, почти отвесной скале вместе со мной и рюкзаками с такой уверенной лёгкостью, словно шагал по паркету. Я зажмурилась, вжимаясь носом в его затылок и чувствуя запахи дыма, пота и дикого леса. Если он так мог... почему не помог сразу?

Мужские руки никогда меня не смущали. В балете партнёр касается рёбер, живота, ног десятки раз за одну репетицию. Тело давно научилось не замечать профессиональных прикосновений.

Здесь не получилось.

Одна ладонь Ричарда иногда касалась моего бедра, придерживая. Я чувствовала грудью движение мышц на его спине, дыхание, тепло шеи возле губ. Слишком много ощущений от совершенно обычного контакта.

Я крепче сцепила руки и постаралась думать о высоте.

— Не урони меня.

— Поздно предупреждать, — усмехнулся он.

Через пару минут под его ногами снова оказалась ровная земля.

— Слезай, приехали.

Онемевшие пальцы разжались не сразу. Я сползла на каменный пол. Пещера оказалась совсем небольшой, но глубокой и абсолютно сухой — настоящий грот, скрытый от внешнего мира свисающими лианами. В углу лежали вещи... Лагерь? Значит, он вправду тут долго.

Ричард достал из походного баула плотный свёрнутый спальник и точным броском отправил его мне в руки.

— Твой кокон на сегодня.

— А ты как же? — я судорожно сжала мягкую ткань.

— На камнях перекантуюсь.

— Ты же замёрзнешь...

— Не сахарный, не растаю, — отрезал он, ложась прямо на пол у самого входа и подкладывая согнутую руку под затылок. — Первым сплю я. Пару часов. Почуешь неладное — ори.

— Хорошо...

Он сомкнул веки, и буквально через пару минут его дыхание стало ровным и глубоким. Я забралась в тёплый спальник, уставившись на его силуэт у входа. Как можно так быстро отключать сознание? Я бы так не смогла.

И в тишине меня снова начали терзать рассуждения.

Я знала этого человека всего день. Видела, как он безжалостно лишает жизни людей. Понимала, что он может скрывать страшные тайны. Но мозг упрямо выстраивал простую, первобытную логику: Ричард — это спасение. Всё остальное снаружи — смертельная угроза. И я уже ловила себя на том, что начинаю в это верить. Слишком быстро.

Очень скоро температура резко упала. Каменный пол начал отдавать холодом. Тонкая ткань спальника постепенно перестала удерживать тепло, и мои челюсти начали выбивать дробь. Я свернулась калачиком, пытаясь дышать внутрь воротника, но мелкая трясучка охватила всё тело.

— Ты своими зубами весь подлесок перепугаешь, — раздался из темноты шёпот.

Я замерла, пытаюсь подавить дрожь.

— Прости... Я стараюсь тихо...

— Зуб на зуб не попадает, — Ричард поднялся на локтях, осмотрел меня в тусклом свете луны и встал во весь рост. — Подвинься к стене.

— Зачем?

— Двигайся, говорю.

Я поспешно отползла к мокрому скалистому краю пещеры. Ричард опустился рядом, ложась вплотную и обхватывая меня руками прямо через спальник. Расстояние сократилось до нуля. Моё плечо уткнулось в его широкую грудь. От его тела валом шёл спасительный зной.

— Что ты... — прошептала я, затаив дыхание.

— Грею твои кости, — пробурчал он, подтягивая ткань на мне выше. — Спи давай. Мне нужно, чтобы завтра ты переставляла ноги сама, а не валялась с лихорадкой.

Я лежала не шевелясь. Сердце колотилось где-то в горле, но это не был страх. Жар его тела вскоре прогнал озноб: сначала перестали дрожать пальцы, затем расслабились затёкшие мышцы. Холод отступил. Но сон? Когда он так близко... В полумраке я могла разглядеть его лицо. Острые скулы, чётко очерченные. Его глаза были закрыты, но я точно знала: он не спит, как и я сейчас. Слишком контролируемое дыхание и напряжение в жёсткой линии плотно сжатых губ выдавали его присутствие здесь и сейчас. Тень от растрёпанных русых волос падала на лоб, а густые тёмные ресницы оставались неподвижными. Красивый... Может, я совсем схожу с ума, но он чертовски красивый мужчина.

— Спи уже, — вдруг произнёс он.

— Я должна дежурить... Мы же договаривались...

— Дежурный из тебя пока как из топора плавательное средство. Спи, кому говорю.

— А ты не устал?

— Устал.

— Тогда...

— Спи.

Я послушно закрыла глаза. Инстинкт самосохранения ещё шептал о том, что нельзя доверять чужаку, что он опасен и вооружён. Я прислушивалась к его дыханию и постепенно начала подстраиваться под тот же ритм. Когда Ричард немного ослабил руку, устраиваясь удобнее, мне захотелось самой придвинуться обратно. Пришлось убеждать себя этого не делать.

Через минуту я всё-таки придвинулась. Уткнулась носом в его плечо и зажмурилась, сама не заметив, как провалилась в сон.

Глава 4. Майкл. Курс молодого бойца

(Трек akiaura, LONOWN, STM — Sleepwalker (Slowed))

Пэм во сне вжалась в меня всеми своими изгибами, зарывшись носом в шею. Она переползла на меня прямо поверх спального. Не специально. По крайней мере, хотелось верить, что не специально, иначе моя подопечная обладала весьма своеобразным способом выражать благодарность. Поджатая нога была по-хозяйски на меня закинута, а тонкая талия прогнулась под ладонью.

В пещере ещё стояла густая тьма. У лаза чуть серела полоска неба — до рассвета оставалось минут сорок. Ночной холод вытянул остатки тепла, а девчонка, сообразив спросонья, где погорячее, прижалась к моему паху.

Я открыл глаза и уставился в низкий потолок. Мать твою. Месяц на острове без женщин не сделал из меня монаха. Скорее наоборот. Памела, при всей своей грязи, ссадинах и полуобморочном виде узницы, обладала чертовски аппетитной фигурой. Воспринимать её исключительно как беспомощный гуманитарный груз организм отказывался напрочь. Особенно когда каждый её вдох отзывался трением тонкой ткани о мою кожу.

И самое паршивое: мне нравилось, что она спит именно

так.

Осторожно отодвинувшись, я высвободил бедро. Рыжая недовольно нахмурилась, упрямо потянувшись следом за уходящим жаром.

— Подъём, — я ткнул её пальцем в худое плечо.

В ответ донеслось лишь глухое сопение.

— Эй, балерина. На выход.

— М-м...

— Вставай, кому говорю.

— Зачем?.. — пробормотала она, не открывая глаз.

— Солнце скоро встанет. Нам пора убираться.

— Пусть встаёт, — девчонка уткнулась лицом в нейлон спального. — Ему можно.

Вчера она редела от страха у костра, а сегодня качает права. Быстро осваивается.

— Через минуту схвачу за лодыжку и выволоку наружу.

Из-под ткани показался один голубой глаз, настороженно прищурившись.

— Ты же шутишь?

— Проверим?

Распахнулся и второй глаз.

— Ты ужасный человек.

— Доброе утро, ягодка.

Пэм со вздохом села, сбрасывая ткань. Рыжие волосы превратились в дикое, спутанное гнездо с застрявшими кусочками сухой коры. В тусклом свете её взъерошенная макушка

выглядела до того комично, что я не удержался от усмешки.

— Чего вылупился? — она подозрительно провела ладонью по голове, нащупала веточку и замерла. — О боже...

— Примерно так, да. Не трогай лучше, а то эта архитектурная конструкция рухнет.

Спуск со скалы занял меньше времени, чем вчерашний штурм. Выглянув из лаза, Пэм упёрлась руками в бёдра и оглядела крутой склон.

— Нет. Я сюда больше не полезу.

— Вчера полезла.

— Вчера я не знала, чем это закончится! Я проехала на брюхе метра три и содрала ладони!

— Значит, кратчайший маршрут ты уже освоила. Спускайся, подстрахую у земли.

Я спрыгнул первым. На последнем уступе её подошва снова соскользнула с камня, но я вовремя подхватил девчонку за талию, прижав к себе, и плавно опустил на грунт. Пальцы ощутили сухие рёбра и плотный корсет мышц. Под футболкой у неё не было ничего лишнего. И это, чёрт возьми, отвлекало.

— Видишь? Почти без травматизма.

Пэм смерила взглядом свои испачканные ладони.

— Потрясающий прогресс.

Первые солнечные лучи едва пробивали плотную крону, когда мы двинулись вглубь острова. Ходить за ней нянькой до конца дней я не собирался. Если меня вырубят или за-

жмут в угол, эта овечка должна уметь пройти хотя бы полкилометра, не свалившись в овраг и не выскочив на чужие стволы.

— Где восток? — я резко затормозил, разворачиваясь к ней.

Пэм запнулась, крутя головой и всматриваясь в просветы между ветвями, после чего уверенно тыкнула пальцем вправо.

— Там. Небо светлее.

— Хорошо. А север где?

Она задумалась, повернулась вокруг своей оси и указала прямо перед собой.

— Там?

— Почему вопросительные интонации?

— Потому что я не компас!

— Ты человек, этого вполне достаточно, — я поправил лямку рюкзака. — Восток перед твоим носом. Значит, север — слева.

— Просто тут всё выглядит абсолютно одинаково, — огрызнулась она, приглаживая волосы. — Стволы, лианы, коряги...

— Начнёшь смотреть под ноги — разницу увидишь. Никогда не цепляйся за один ориентир. Решешь идти вдоль ручья к океану, а он сделает петлю и выведет тебя напрямик к гнилому болоту в центре острова.

Девчонка недовольно фыркнула, но упрямо пошла

след в след. Зависимость от моего присутствия становилась опасной. Стоило мне уйти вперёд шагов на десять, как её дыхание сбивалось, а глаза начинали затравленно метаться по кустам. Запомнит ориентиры — проживёт лишние сутки.

— Запоминай дорогу. Через час поведёшь нас обратно сама, — соврал я. Ночевать на одном и том же пяточке — самоубийство, но пусть напряжёт мозги.

— Что?! Я понятия не имею, где мы торчим!

— Вот поэтому включай соображалку и запоминай.

Лицо её сразу подтянулось, собрался и взгляд. Она принялась внимательно оглядывать деревья и приметные каменные гряды. Быстро учится, когда прижмёт...

Через час мы остановились у свежей звериной тропы. Я опустил на колено и полез в карман за капроновым шнуром.

— Откуда ты всё это знаешь? — Пэм присела рядом и начала следить, как я натягиваю скользящую петлю на гибком сучке.

— В интернете подсмотришь — не такому научишься.

— Серьёзно? Насмотрелся роликов «Десять способов не сдохнуть в джунглях»?

— Ага. Девятый пункт оказался самым дельным: не ходить в джунгли.

Она тихо рассмеялась, но почти сразу зажала рот ладонью, будто испугалась собственного звука. Чего это вдруг?

— На, вяжи сама. Пальцы у тебя гибкие, координация

есть. Справишься.

Пэм взяла шнур. С пальцами я не ошибся: узел дался ей почти идеально уже со второй попытки.

— Попадается сюда кто-нибудь? — она осторожно потянула за край петли.

— Если повезёт — свежее мясо. Если не повезёт — узнаем.

— А если человек наступит?

— Значит, этот человек очень маленький и бегают на четырёх лапах. На двухногих ублюдков ставят совсем другие растяжки.

Улыбка сползла с её лица. Отлично, к реальности её тоже надо возвращать регулярно.

С ботаникой вышло ещё проще. Я сорвал плотный овальный лист, растёр в пальцах и поднёс к её носу:

— Это съедобно. А вот к той хренотени с красными прожилками даже не прикасайся.

— Почему? Ядовито?

— Пена изо рта пойдёт минут через пять, а потом пищевод сгорит.

— Жуть...

— Зато запоминается с первого раза.

Наглядная методика сработала: через два часа она сама нашла куст с дикими плодами. Правда, не сорвала сразу — позвала меня. Насобирала полную полу футболки, довольная, как кошка после миски молока.

— Молодец. Теперь хоть не только на мою стряпню рассчитывать будем.

К полудню я вытащил из рюкзака второй нож в кожаных ножнах — трофей вчерашнего замеса у ручья — и протянул ей.

— Держи. Запасной.

— Зачем мне два? У меня и так один есть.

— Один потеряешь, когда паника накроет. Чтобы пальцы от страха не свело, держи оружие ближе к телу. Не важно, как ты ударишь. Бей куда дотянешься. Горло, глаза, живот. Вонзила и проворачиваешь.

Пэм тяжело сглотнула, бледнея на глазах.

— А если ночью... если я проснусь от движения и ошибусь? Вдруг это будешь ты?

— Я к тебе без предупреждения не полезу. Если кто-то навалился сверху в темноте — пырей не думая. Лучше потом извинишься перед трупом, чем тебя пустят в расход.

Она молча зацепила ремешок за пояс, подогнав ножны под правую руку.

Лесное озеро мы нашли часам к двум, судя по солнцу. Небольшая глубокая чаша, зажатая между скалистыми выступами, питалась подземными ключами. Вода чистая, прозрачная до самого дна. Пэм замерла на берегу, перебирая пальцами грязную ткань футболки.

— Купаться будем, — я сбросил рюкзак на сухой сланец. — И одежду застираем.

— Вместе?.. — она осторожно отступила на полшага.

— Можешь подождать, пока я отвернусь. Если тебе так спокойнее.

Я молча принялся расстёгивать штаны и потянул их вниз. Пэм резко повернулась ко мне спиной.

— Ты мог предупредить!

— Я сказал, что будем купаться.

— Это не предупреждение!

— Теперь знаешь.

Я скинул ткань на камни и шагнул в воду, которая опоясала приятным холодом. За спиной зашуршала одежда. Честно выждав секунд тридцать, я услышал тихий плеск и обернулся. Пэм заходила в воду.

Голая. Разумеется, я посмотрел. Зрение у меня отличное, грех жаловаться. Рыжие волосы скручены в узел на затылке, светлая кожа исчерчена царапинами и темнеющими синяками. Тонкая талия, аккуратная грудь с поджатыми от холода сосками, сочный разворот бёдер... Вчера я всё оценил правильно. Настоящая изящная балерина. Она заметила мой взгляд и моментально погрузилась в воду по самые плечи.

— Ты же обещал отвернуться!

— Я отворачивался.

— Перестань смотреть! — её щёки вспыхнули пунцовым.

— Ладно-ладно.

Я двинулся к противоположному берегу, но метра через четыре тяжёлые кости потащили вниз. Пришлось молотить руками изо всех сил, давя плотную воду. Сзади донёсся звонкий девичий смех:

— А ты реально плаваешь хреново!

— Очень смешно, — я развернулся на мелководье, вытирая брызги с лица.

Её смех оказался неожиданно приятным среди шуршания тропиков. Взгляд сам собой цеплялся за её мокрое лицо, а не за выпирающие под водой ключицы. Плохо. Девчонка становилась слишком дорогой обузой.

Мокрые рыжие пряди облепили плечи, а по бледным щекам, усыпанным золотистыми веснушками, стекали крупные капли воды. Взгляд её светлых глаз был слишком открытым и чистым для этого проклятого места. Ровный, тонкий нос, чётко очерченный профиль и пухлые губы — она выглядела как изящная фарфоровая кукла, которую по ошибке забросили в этот ад. И эта кукла требовала слишком много внимания.

После купания мы сидели на солнцепёке. Одежда сохла на камнях. Пэм завернулась в мою запасную футболку, которая

висела на ней до середины бёдер и едва прикрывала ягодичцы. Я старался смотреть на лес, а не на её голые ноги. Время поджимало. Месяц игры в прятки закончился. Организаторы наверняка накинута на нас ориентировки. С девчонкой на буксире долго бегать не выйдет. Пора менять тактику.

— В рот я ебал это шоу, — пробормотал я и невольно потянулся к Пэм, коснувшись пальцами её бедра.

— Что? — Пэм вздрогнула и поджала ноги под себя. Я убрал руку.

— Говорю, руки марать не хотелось. Что думаешь на этот счёт?

— Думаю... что не хочу умирать, — тихо ответила она, сжимая край футболки на коленях, и напряглась. Поняла быстрее, чем я ожидал. — Ты собрался идти убивать?

— Об этом разговор и идёт...

— Всех?..

— Тех, кто представляет угрозу. Другого способа очистить территорию нет. Ждать... Ты столько не протянешь.

— А если кто-то из них такой же, как я? Случайный жертвенный барашек?

— За месяц я изучил местный контингент. Ты тут единственная экзотическая птичка, высаженная для потехи публики. Остальные — калёные ублюдки. Новичков не было давным-давно.

Она молча опустила голову. Мораль у неё ломалась быстро под давлением реальной угрозы. Уже спокойно даёт карт-

бланш на зачистку острова. Жить хотят все.

К вечеру я приметил дерево метров двадцати пяти в высоту. Никаких нижних веток, гладкий ствол — идеальный наблюдательный пункт, куда без спецснаряжения или физической мощи не забраться.

— Сама не влезешь, — констатировал я, оценивая обхват ствола.

— Нам обязательно на самую верхушку? — Пэм побледнела, задирая голову.

— Обязательно. Залезай на загривок.

Я присел, подхватывая её под бёдра. Пальцы снова врезались в упругую задницу, когда я подбросил её повыше. Господи, сосредоточься на деле. Пэм устроилась удобнее, сжав мои плечи.

— Готова?

— Нет.

— Отлично.

Я взялся за шершавый ствол.

— Сумерки. Сага. Пиздец. Дожил...

— И давно тебе семнадцать? — замерла Пэм у моего уха.

— Ого, ты ещё и шутки поддерживаешь? Прогресс.

Она тихо засмеялась, крепче сжимая руками мою шею, что заставило меня напрячься, но я смолчал. На середине высоты девчонка совершила ошибку — посмотрела вниз и панически зажмурилась, едва не перекрыв мне дыхание.

— Ты меня задушишь раньше, чем мы долезем. Не смотри

вниз, закрой глаза!

На нужной ветке — широкой, как несущая балка — я сгрузил её. Достал верёвку, несколькими узлами привязал Пэм за талию к основному стволу и проверил натяжение.

— Это ещё зачем? — она потянула за капрон.

— Чтобы во сне вниз не ухнула. Вот рюкзак, вода, паёк, аптечка. Нож держи под рукой.

— Ты служил? — спросила она, пока я раскладывал снаряжение. — Или получил все значки бойскаута?

Я усмехнулся.

— Служил. В разных точках. Ближний Восток, Африка, Балканы, Азия.

— В армии?

Я посмотрел на неё слишком выразительно, чтобы она продолжала эту тему. Она умная девка, а продолжает задавать вопросы.

— Ладно, молчу, — вздохнула Пэм. — Ты уходишь?

— Да. — Я присел перед ней на корточки. — Инструкция простая. С ветки не спускаться, что бы ни услышала внизу. Даже если кто-то будет звать твоим именем. Полезут наверх — режь пальцы. Поняла?

— Поняла, — она сглотнула, сжимая рукоять ножа. — А ты... ты вернёшься?

— Вернусь.

Я поднялся, сделал шаг к краю широкой ветки и без лишних реверансов шагнул в пустоту. Двадцать метров свобод-

ного падения. Воздух свистнул в ушах. Сверху донёсся истошный, перепуганный вопль Пэм:

— РИЧА-А-АРД!

Я сгруппировался, удар приняли согнутые колени, почва под подошвами просела на пару сантиметров. Встал, отряхиваясь. Сверху, из темноты кроны, снова послышался дикий, злой фальцет:

— ТЫ С УМА СОШЁЛ?! ТЫ СПРЫГНУЛ С ДЕРЕВА?!

— Заткнись и не ори на весь лес! — прошипел я вверх, показывая кулак.

Она поспешно замолчала, только листва зашуршала. Я привычно перехватил мачете, проверяя баланс, и огляделся. Джунгли погружались в ночь. Где-то там, в чаще, затаились уроды, считавшие себя победителями в этом подпольном цирке. Они думали, что правят балом.

Но теперь у меня на ветке сидела рыжая балерина с нулевыми навыками выживания и отвратительной привычкой доверять мне больше, чем следовало. Оставлять всё как есть стало невозможно. Повторюсь: в рот я ебал это шоу. Пора, для начала, изучить расстановку сил.

Глава 5. Памела. По ту сторону морали

(Трек Crystal Castles — Transgender)

Силуэт Ричарда исчез в темноте. Ночь стремительно поглощала джунгли. Нож охлаждал бедро, но присутствие оружия не приносило облегчения — ответственность за собственную шкуру снова полностью легла на мои плечи.

Внизу хрустел валежник, над головой регулярно хлопали крылья птиц, а из глубины острова однажды донёсся короткий человеческий крик, тут же захлебнувшийся в листве. Какое-то время я пыталась убедить себя, что смогу продержаться сама: найти воду, поставить петлю из шнура, залечь на дно. На практике же встреча с любым из участников означала смерть. Ричард оставался единственным щитом между мной и этой бойней. Безумие? Возможно. Но другие варианты попросту отсутствовали.

Ближе к рассвету неторопливые шаги под деревом заставили меня схватиться за клинок. Из сумерек вынырнул Ричард. Выдох облегчения застрял в горле, стоило только разглядеть его фигуру: алые потёки покрывали шею, пропитав футболку от груди до пояса, а руки до самых локтей были грязно-бурыми. В его правой кисти покоилось мачете — лезвие потемнело от запёкшейся крови.

— Живая? — он остановился у ствола, вытирая облезлое колено.

— Да... — я судорожно сглотнула, не сводя глаз с его груди. — Что произошло? Ты весь... в крови.

— Бывает, — он оглядел себя с абсолютным равнодушием. — Посиди пока наверху. Пойду к озеру, смою это дерьмо.

Он развернулся и ушёл без лишних объяснений. Сквозь просветы в кронах было видно, как он разделся и вошёл в воду. Красноватые разводы расходились от его тела по чистой глади. Он отмывал руки, лицо и растрёпанные волосы спокойно, тщательно и методично. Когда солнце поднялось над пальмами, Ричард вернулся — в мокрых штанах, со свежестырированной футболкой на плече. На его теле не осталось ни единого пореза, хотя часть этой крови совершенно точно принадлежала ему. Лишь розоватые рубцы на животе и плечах бледнели прямо на глазах.

— Насмотрелась, маленькая балерина? — он ухватился за нижний корень и легко взобрался к моей ветке.

— Ты был ранен, — я прижалась спиной к стволу, когда он оказался рядом.

— Был. Зажило, — он быстро развязал капроновый узел на моей талии и сгреб меня за лопатки. — Давай, обхватывай. Нам пора идти.

Придвинувшись, я обвила руками его шею, а ноги сжала вокруг широкого таза, чувствуя горячую кожу и запахи озёрной воды и дыма. Мы оказались лицо к лицу — так близко,

что его дыхание обжигало губы. Ричард зафиксировал ладонь у меня на ягодицах и без предупреждения шагнул прямо с двадцатиметровой высоты.

Крик потонул в свисте ветра. Мы рухнули вниз, но Ричард даже не покачнулся, лишь сгруппировался в коленях и выпрямился. Я продолжала цепляться за его шею, пока он насмешливо не хмыкнул мне в ухо:

— Прибыли. Можешь отпускать мою тушку, — его пальцы чуть ослабили хватку на моих ягодицах.

Я продолжала висеть на нём, дрожа всем телом и боясь расслабить руки.

— Подожди... Дай мне секунду...

— Пэм, мы на земле. Ноги опусти.

— Ты ненормальный... — пропищала я, сползая на траву.

Следующие дни превратили меня в молчаливого свидетеля его аномальной природы. Ричард почти не отдыхал. Мы маршировали по джунглям часами, и когда мои ноги превращались в вату, он устраивал привалы под предлогом разведки местности. Раны на нём затягивались со сказочной скоростью. Когда из кустарника грохнул выстрел и пуля пробила его левое плечо, Ричард лишь выдул сквозь зубы трёхэтажный мат, ушёл в заросли и вернулся через десять минут. Человек из чащи больше не подавал признаков жизни, а дырка на плече Ричарда затянулась к ужину.

Убийство для него явно не являлось трагедией, предметом мучений или поводом для рефлексии. В его картине ми-

ра смерть врагов стояла в одном ряду с тропическим ливнем, зноем или прогнившими корнями под ногами. Простая данность: препятствие устранено, двигаемся дальше. Я старалась об этом не думать.

Иногда Ричард уходил один, оставляя меня в укрытии на два-три часа. В первые разы паника сжимала горло так, что дышать становилось больно. Но постепенно я заставила себя перебарывать страх. Чтобы не сойти с ума от ожидания, я занимала руки полезным делом: перебирала пайки, набирала воду во фляжки, заново перевязывала узлы на растяжках, заучивала формы съедобных растений.

Но его возвращение я угадывала безошибочно. Напряжение в мышцах спадало ещё до того, как уши улавливали его шаг. Тело физически чувствовало приближение его присутствия.

Однажды вечером, когда мы неторопливо двигались вдоль мелководного ручья, я не удержалась от вопроса:

— Ты всегда держишь такую дистанцию?

— Какую дистанцию? — Ричард остановился, подбирая с земли гибкую сухую ветку для костра.

— Ты отстранённый. Слово тебя вообще ничего не задевает.

Он задумался, переламывая деревяшку пополам с треском.

— На материке я ещё более отстранённый, ягодка. В обычной жизни со мной вообще предпочитают не связывать-

ся.

— Почему? — я сровняла свой шаг с его размашистой походкой.

— Напрягаю я людей. Боятся меня.

— Охотно верю, — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Ричард резко затормозил и повернулся ко мне всем корпусом, слегка наклонив голову.

— Вот как? А мне казалось, ты рядом со мной перестала дрожать на второй день.

Я тоже остановилась, опершись рукой о шершавый ствол. Ответить прямо оказалось непросто. Чувствовала ли я страх рядом с ним? Безусловно. Но этот страх кардинально отличался от паники перед местными загонщиками. Он был неопределённым. И каким-то чарующим.

— На этом острове я тебя не боюсь, — прошептала я, встретив его взгляд. — Ты бы уже бросил меня, если бы хотел. Но окажись мы в цивилизованном городе, при других обстоятельствах... Я бы, наверное, обходила тебя по другой стороне улицы.

Его русая бровь иронично поползла вверх.

— Серьёзно? Назови хоть одну причину.

— Ты огромный, — я сделала шаг ближе, разглядывая свежую ссадину у его виска. — Ты молчишь о себе, знаешь стократно больше, чем говоришь. А ещё этот твой взгляд...

Ричард чуть прищурил голубые глаза, подступая вплот-

ную. Опасная близость перекрыла воздух в груди.

— Что не так с моим взглядом?

— Всё не так, — я попыталась сделать шаг назад, но упёрлась лопатками в дерево. — Слишком тяжело выдерживать.
— Женщины... — он хмыкнул, поворачиваясь к тропе.
— Ты сам спросил!
— Уже пожалел, поверь.

На моих губах появилось подобие улыбки. Мы шагали дальше по мокрой земле. От его уверенного присутствия внутри разгоралось совершенно непонятное и будоражащее чувство, от которого кожа покрывалась мурашками гораздо сильнее, чем от ночного холода.

За следующие дни дистанция начала трещать по мелочам. Ричард переносил меня через бурный рукав ручья, и иногда ставил на землю быстрее, чем требовалось; я передавала ему еду и несколько раз ловила его взгляд на своих губах. Однажды он вытащил колючку из ссадины на моём лице, большой палец прошёлся по щеке, и мы оба застыли.

— Даже не начинай, ягодка, — пробормотал он, отступая первым.

— Я молчу.

— Вот и молодец.

После этого до самого вечера мы с преувеличенным интересом изучали деревья.

Остров не давал передышки, но наш совместный быт постепенно обрастал странным, диким уютом. Днём вместе искали еду, а каждую ночь приходилось искать новое место для

ночлега. Я училась спать чутко, сжимая в кулаке рукоять ножа.

На исходе шестого дня небо над тропиками затянуло. Ветви затрещали под порывами шквального ветра, а сквозь зелёный навес хлынул ливень. Потоки воды за считанные минуты превратили подлесок в топкое месиво, а видимость упала до пары метров.

Нам пришлось вернуться в пещеру, где шумели лишь отголоски бушующего снаружи ада. Промокшая насквозь одежда липла к телу, с волос беспрерывно капала вода. Ричард ловко чиркнул спичкой, поджигая заранее заготовленную сухую щепу. Я переоделась и разложила мокрые вещи ближе к огню. Всё происходило по наработанному алгоритму, без лишней суеты. Позже Ричард привычно устроился справа, ближе к выходу, я — слева, на раскатанном спальнике, укрывшись дождевиком. Так пол казался не таким жёстким.

К полуночи пламя прогорело до тлеющих углей. Меня разбудил холод, заставив попытаться завернуться в дождевик поплотнее.

— Двигайся... Греться будем, — услышала я рядом и подняла взгляд на тёмную фигуру. Как он... двигается так бесшумно? Прямо как призрак.

Я молча отползла к стене, освобождая место и позволяя ему лечь вплотную.

Его поджарое тело, как и всегда, излучало лихорадочный

жар. Ричард накрыл нас обоих плотным дождевиком. Его широкая ладонь безошибочно легла мне на талию, и мелкая дрожь, колотившая меня последние полчаса, отступила. На смену ей пришло совсем другое — пульсация внизу живота. Я повернулась к нему лицом, упёршись ладонью в широкую грудь. Под моими пальцами ровно и неторопливо билось сердце.

— Чего высматриваешь в темноте, ягодка? — вскоре тихо пробормотал он.

Его пальцы уверенно забрались под край моей футболки, оглаживая обнажённые, вздымающиеся от частых вдохов рёбра.

— Откуда знаешь, что не сплю? — прошептала я, подаваясь навстречу этому движению.

— Кожей чувствую. Ты дышишь так, будто бежать собралась.

Его ладонь была шершавой и мозолистой. Внутренности сжались в сладкий узел. Страх перед лесом, кровавыми трупами и неизвестностью — всё это вытеснилось диким желанием чувствовать его. Понимать, что я всё ещё жива.

Я могла отвернуться, он бы ничего не сделал. За все дни Ричард ни разу не воспользовался тем, насколько он сильнее меня. Даже сейчас рука под футболкой двигалась медленно, оставляя мне достаточно времени остановить её. Но не хотелось.

Хотелось узнать, каким он будет, если разрешить больше.

Это было просто невыносимо. Энергия, скопившаяся после ужаса, требовала выхода. Я подалась вперёд, коротко коснулась губами его жёсткой щетины у уголка губ и сразу отстранилась.

Ричард не стал задавать вопросов. Его рука легла мне на затылок, пальцы с силой запутались в волосах и одним рывком притянули обратно. Его губы накрыли мои жёстко и требовательно, а язык бесцеремонно проник внутрь, проводя по нёбу и разрушая моё осторожное намерение просто отвлечься.

Он не умел быть нежным — его движения выходили резкими, а зубы прикусили мягкую кожу. Я простонала от боли, глубоко прогибая поясницу, и почувствовала привкус крови. Он ответил низким рыком, прижимая меня ближе.

Поцелуй оборвался на несколько секунд. Ричард держал меня за затылок, но больше не тянул, а просто смотрел сверху вниз.

— Ты сейчас не расплываешься со мной за то, что я тебя таскаю по острову? — От неожиданности я даже перестала дышать.

— Нет.

— Не потому, что боишься остаться одна?

— Нет. Я хочу тебя, — выдохнула я и снова потянулась к его губам.

Я судорожно вцепилась пальцами в его плечи, уходя в нахлынувшие ощущения с головой — лишь бы выжечь из па-

мяти воспоминания. Мышцы под ладонями были твёрдыми, горячими, слегка подрагивали от напряжения. Ричард потянул мою футболку вверх через голову и сдёрнул её, откинув ткань на сухой нейлон спального. Его ладонь скользнула по животу к груди. Он обхватил её целиком, сжал, потом двумя пальцами поймал чувствительный сосок и слегка скрутил, заставив меня резко вскрикнуть. Большой палец прошёлся кругами, потом ладонь снова сжалась, пока я не начала дышать ртом, выгибаясь ему навстречу.

— Ричард... — выдохнула я в темноту, чувствуя, как его губы спускаются к моей шее.

— Молчи, — рыкнул он прямо в кожу.

Когда я попыталась снова обнять его за шею и притянуть ниже, Ричард перехватил мои руки, грубовато прижав их к спальному над головой. Он сдерживал себя. Это ощущалось в том, как натягивались жилы на его шее, как аккуратно и точно его массивные руки зафиксировали мои тонкие запястья, хотя пальцы могли бы сомкнуться до боли.

— Не трогай меня, — выдохнул он мне прямо в губы, и от его дыхания жгло кожу. — Будешь в синяках, если я расслаблюсь. Поняла?

— Поняла... — прошептала я, прогибаясь навстречу, пытаюсь хотя бы бёдрами прижаться к нему. Боже, что же я творю?

Он плавно отпустил мои руки и слегка отстранился, чтобы стащить с меня джинсы вместе с бельём. Я помогала ему,

сбрасывая одежду, пока не осталась полностью обнажённой. Холодный воздух лизнул кожу, а Ричард поднялся на колени, расстёгивая брюки, и стянул их. Я видела, как напряжены мышцы его живота и возбуждённая плоть.

Он опустился ниже, поцеловал ложбинку между грудью, от одного дыхания мышцы свело. Я вцепилась пальцами в спальник, когда его губы накрыли сосок, и не сдержала стон.

— Ричард...

— Тише. Нас и так снимают, не делай им бесплатный саундтрек.

Даже в таком состоянии я умудрилась задушенно рассмеяться, но смех тут же сорвался в стон от очередного укуса. Он приподнялся и толчком развёл мои бёдра в стороны.

— Смотри на меня, — выдохнул он.

Я перевела взгляд в его холодные глаза. Он прижался ко мне и на несколько секунд остановился у самого входа.

— Последний шанс передумать.

Я не ответила, учащённо дыша. Он вонзился внутрь одним мощным, глубоким выпадом, словно горячая сталь растянула меня до самого предела, заполняя сантиметр за сантиметром. Я ахнула, запрокидывая голову. Мои бёдра, привыкшие к выворотности, обвили его талию, зажимая в тиски. Он замер на секунду, ошеломлённый тем, как глубоко и плотно смог войти, а затем рычаще выдохнул.

Ричард сразу взял жёсткий, размашистый ритм. Каждое движение отзывалось внутри сладостным спазмом. Кожа

тёрлась о кожу с влажным хлопком, а тлеющие в глубине пещеры угли отбрасывали золотистые блики на его мокрую от пота спину. Меня завораживали рельефы его мышц.

Он не выматывался. Дыхание оставалось ровным, а толчки становились только тяжелее и глубже. Я пыталась двигаться ему навстречу, но он удерживал меня, прижимая ягодички к спальнику. Вскоре он вдруг перехватил мои запястья одной рукой и прижал их над моей головой. Другой упёрся в скалистый выступ, а его дыхание сладостно обожгло мои губы. В этот момент мне показалось, что я ещё никогда не чувствовала себя такой живой.

На очередном глубоком толчке его пальцы ввелись в камень — под его хваткой порода треснула с щелчком. Скала крошилась, как сухая глина, пока он сокрушительно вбивался в меня, не давая ни секунды на передышку. Я чувствовала его вес — не как у обычного мужчины, будто сверху лежала глыба. Даже когда он слегка опирался на меня, дыхание сбивалось.

Он вышел, перевернул меня на бок одним движением, подтянул моё колено к груди и возобновил напор. Каждое движение попадало точно в самую чувствительную точку внутри. Я застонала громче, сжимая в кулаке край спальника.

— Я больше... не могу... — задохнулась я.

— Можешь, ягодка, — отрезал он и ускорился.

Разрядка накрыла меня сумасшедшей лавиной. Мышцы

сжались вокруг него резкими сокращениями, в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли золотые вспышки. Я снова застонала, но он накрыл мой рот ладонью, глуша звук.

— Тише.

Он не остановился. Продолжал двигаться сквозь мои спазмы, пока они не начали стихать, потом отстранился, перехватил меня за талию и легко, будто я ничего не весила, поставил на колени, грубо прижав грудью к спальнику. Растяжка позволяла прогибаться невероятно глубоко. Ричард сразу вошёл сзади, до конца, возобновляя движения с неограниченной силой. Его ладони сжали мои бёдра, большие пальцы впились в ягодицы. Явно останутся синяки.

— Смотри, как ты сжимаешься, — прорычал он мне в затылок. — Ещё хочешь? Скажи.

— Да...

Удары плоти о плоть смешались с моими стонами. Он сдвинул моё бедро, провёл ладонью вниз, между ног, нашёл чувствительную точку и сжал двумя пальцами, одновременно ускоряя толчки. Второй оргазм настиг меня почти сразу — тело обмякло, я бессильно уткнулась лицом в спальник, задыхаясь от накрывшего блаженства, а ноги крупно затряслись. Он не дал упасть, лишь продолжая входить глубоко и сильно.

Когда сокращения прошли, он замедлился, почти полностью вышел, потом снова медленно проник, давая прочувствовать каждое движение. Я уже не могла толком стонать —

только рвано дышала. Ричард наклонился, грудь прижалась к моей спине, губы коснулись шеи. И вдруг — укус. Зубы сомкнулись на коже у основания шеи, оставляя метку. Боль вспыхнула остро и сладко, и я снова сжалась вокруг него, принимая это как что-то неизбежное. Как знак. Как то, что теперь связывало нас сильнее любых слов.

— Хватит... — обессиленно выдохнула я.

Он сразу выпрямился, вновь меня перехватывая, и перевернул на спину. Поднял мои ноги и положил себе на плечи. Я поддалась, стараясь восстановить дыхание в секунды этой паузы. Он вошёл под ещё более острым углом, почти складывая меня пополам. Вес его тела снова накрыл меня.

— Смотри на меня, — сказал он низко.

Я открыла глаза. Он двигался, глядя прямо в лицо. Его холодный взгляд вызвал новый сладостный спазм, а затем ещё один, пока третий оргазм не поднялся волнами, от низа живота вверх, а тело не затряслось.

Только почувствовав, как меня колотит, Ричард ускорился до предельного максимума. Мышцы на его ягодицах и спине натянулись, и с выдохом он излился мне на живот, замирая надо мной.

Я откинулась затылком назад, нарушая тишину пещеры своим дыханием. Такого я точно никак не ожидала.

Ричард плавно отстранился и лёг рядом. Я коснулась рукой лба, убирая спутанные волосы, и уставилась в тёмный потолок. Руки и ноги мелко подрагивали, пальцы не слуша-

лись, между бёдер было мокро и горячо, а голова казалась абсолютно пустой.

— Я умерла? — прошептала я, едва ворочая одеревеневшим языком.

Ричард приподнялся, взглянув на меня, и опёрся на локоть. Он даже не запыхался, а на лбу едва проступали капли пота. Из его груди вырвался короткий смешок. Он провёл ладонью по моему животу, потом вниз, между ног, и я дёрнулась от чувствительности.

— Нет ещё.

— Ты уверен? — я с трудом сфокусировала расплывающийся взгляд на его спокойном лице. — У меня сердце сейчас выскочит...

— Пока способна задавать глупые вопросы — точно живая, — он дотянулся до края дождевика и заботливо набросил его на меня.

— Мне кажется, это предсмертные галлюцинации...

— Весьма специфический бред получается, — ухмыльнулся он, оглаживая моё плечо. — Спи давай, балерина. Завтра нам нужно пройти ещё километров двадцать.

Я улыбнулась, зарываясь носом в его шею, и через пару минут провалилась в глубокий сон без кошмаров.

Утром мы не стали ничего обсуждать. Все слова выглядели бы глупо. Эта близость будто бы стала такой же естественной частью нашей борьбы за жизнь, как запас воды или острый клинок. И почему-то... от этого было так тоскливо.

Ричард вёл себя так же, как и в дни до этого, и снова оставил меня одну.

Вечером я бродила вокруг нашего нового лагеря, расставляя петли на дичь, когда из густого кустарника донеслись голоса. Перехватив нож поудобнее, я осторожно раздвинула широкие листья папоротника. На небольшой каменистой площадке стоял на коленях грязный мужчина в рваной куртке. Перед ним, слегка покачивая окровавленным мачете, возвышался Ричард. Вернулся, наконец.

— Я же сказал, мне не нужна эта бойня! — задышался пленный, панически упираясь сбитыми ладонями в гальку. — Я уйду на восточное побережье! Я забьюсь в скалы и не вылезу!

— Не вылезешь сегодня, — сухо ответил Ричард, смерив его взглядом. — А завтра со жратвой прижмёт — пойдёшь искать чужие заначки.

— Я не трону твою девчонку! Слышишь?! Я к ней даже не подойду!

Пальцы на рукояти ножа у меня заledenели. Этот человек следил за нами. Знал, где находится наш перевал. Значит, он видел, как я остаюсь одна, когда Ричард уходит. И он так близко...

Ричард сделал шаг вперёд. Его лицо даже не дрогнуло.

— Ты выслеживал её?

— Нет! Случайно наткнулся! Стой! Я знаю, где залегла группа на севере! Я покажу склад припасов!..

Договорить он не успел. Ричард сделал короткое, выверенное движение корпусом. Сталь со свистом рассекла воздух, прорубая шею незнакомца, и хруст позвонков огласил поляну. Голова мужчины отвалилась в сторону, а тело рухнуло на землю. Я зажала рот обеими руками, сдерживая рвотный спазм. Это не была защита от нападения. Это не была драка у ручья. Ричард хладнокровно ликвидировал безоружного человека, который молил о пощаде.

Ветки хрустнули под моей ногой. Ричард сразу развернулся, вскидывая запятнанное мачете, но, узнав меня, неспешно опустил оружие.

— Давно стояла? — он сделал шаг через лежащее тело.

— Он... он же стоял на коленях, — мой голос сорвался на сип. — У него даже ножа не было...

— Нож у него был в сапоге, — Ричард носком пнул труп. — Этот ублюдок прирезал троих спящих в первый же день и забрал их пайки. Оставишь такого за спиной — и в следующий раз он вскрыет тебе горло. Он следил за тобой, и если бы я не пришёл, тебя бы уже не было.

Он подошёл ближе, вытирая окровавленную сталь о пучок сухой травы. Я отступила на шаг назад, вжимаясь спиной в дерево от волны ужаса. Передо мной стоял не герой из приключенческих романов, а человек, способный убивать без эмоций, ярости и сомнений — просто потому, что принял логичное решение устранить угрозу. Человек, которому я позволила себя целовать и...

— Боишься? — он остановился в метре, всматриваясь в мои дрожащие губы.

— Боюсь... — честно выдавила я, не в силах соврать.

— Правильно. Страх держит в тонусе, — он закинул мачете на плечо. — Пошли. Нам нужно собраться до темноты. Кто знает, может, он был не один.

Он развернулся и пошёл по тропе, не оглядываясь. Я осталась стоять у тела. Путь назад был свободен — я могла броситься в чащу, попытаться спрятаться в скалах, уйти на другой край побережья. Но скоро ночь, а без него джунгли сожрут меня в первые же сутки. Этот остров был забит монстрами, и Ричард являлся самым лютым из них.

Я ускорила шаг, догоняя его широкую спину и становясь плечом к плечу. Потому что... Если ты заперт в аду с чудовищами, единственный шанс выжить — сделать так, чтобы самое страшное из них считало тебя своей.

Глава 6. Майкл. Дистанция

(Трек VØJ, Narvent — Memory Reboot (Slowed))

Заявись я на конкурс идиотских решений, прошедшая ночь отхватила бы золото. И это при моей-то богатой биографии.

Пэм шла следом без единого слова. Я ожидал истерики, обвинений или слёз, но лишь изредка ловил на себе её тяжёлый взгляд — девчонка всё ещё пыталась понять, кто шагает перед ней: мужик, вытаскивающий её из дерьма, или хладнокровный палач, только что снёсший человеку голову. Но страх — отличный рефлекс. Заставляет смотреть под ноги, думать на два шага вперёд. Если сегодняшняя казнь выжгла из её головы бабочки и цветочки, тот ублюдок сдох не совсем бесполезно.

От неё даже не было вопросов вроде «Зачем?», «Можно же было иначе?», «Он же молил о пощаде!». Тем лучше. Пускай сразу понимает, с кем связывалась. Меньше разочарований потом.

До потёмок оставалось меньше часа. Возвращение к старому лагерю, где нас уже вычислили, пахло самоубийством. Свернув с натоптанных участков, мы продрались сквозь колючий кустарник и вышли к каменистому уступу. Сверху нас накрывал сплетённый навес из толстых ветвей, а с трёх сторон защищали валуны. На полноценную крепость не тянуло,

но переждать ночь без риска словить пулю во сне — вполне.

Я совершил круг по периметру, скрупулёзно изучая грязь и мох. Чисто. Пока что. Сегодня на наш след встал один. Завтра придут двое. Послезавтра — толпа. Я слишком долго играл в осторожность: огибал чужие засады, позволял участникам грызть друг другу глотки, экономил ресурсы и старался не мозолить глаза объективам организаторов. Грамотная тактика, до тех пор, пока какая-то мразь не вычислила ружью.

Хватит. Остров придётся зачистить без попыток отбелиться. Пока девчонка собирала сушняк у скалы, я поймал себя на том, что опять гипнотизирую её фигуру. Движения стали собраннее, исчезла паническая суета, нож на поясе висел правильно, да и шагала она уже почти без следов. Жаль, что применять эти навыки ей, скорее всего, долго не придётся. Если всё пройдёт по плану, через пару дней здесь останутся только... Я обрубил мысль. Нет. Она выживет. Я — отдельный разговор, и решать его буду сам.

С наступлением темноты Пэм вырубилась. Усталость сморила её, она свернулась калачиком у толстого корня, подтянув колени к груди. Я остался сидеть у камня. Сон не шёл. Мысли упорно возвращались к телу, лежащему в трёх шагах от меня.

После прошлой ночи всё окончательно пошло по пизде. Раньше она воспринималась простым человеческим ресурсом, который требовалось дотащить до финала. Теперь мой

организм, предательская скотина, закрепил в памяти: запахи её кожи, жар узкого тела, мелкая дрожь бёдер под пальцами, то, как она морщит веснушчатый нос в злости или поджимает губы во время ходьбы. Чёрт. Я слишком хорошо помнил, чем заканчивается потеря контроля над собственной физиологией. Обычный мужик может просто забыться. Я такой роскоши себе позволить не мог, по крайней мере не на этом чертовом острове, когда я постоянно напряжён. В бою рефлексy сами взвинчивают силу и скорость. Иногда замечаю, что переборщил, уже по хрусту. Кто сказал, что в постели этот механизм работает иначе? Ошибиться ведь достаточно один раз. Девчонка и так уже прошла через подвал, перелёт и эту блядскую мясорубку.

Пэм пошевелилась во сне и небрежно убрала прядь с лица. Сверху, сквозь крону, пробился лунный свет и лёг на бледную щёку. Какая же сладкая и красивая... Я мотнул головой и отвернулся. Твою мать. У меня уже тридцатник за плечами, а сучусь как голодный малолетка. Держи дистанцию, придунок. Повторяй это перед каждым шагом.

Поднявшись на ноги, я ушёл на повторный обход территории. Лучше час топтать мокрую грязь, чем сидеть рядом и бороться со стояком.

Рассвет навалился резко. Пэм просветлевшим взглядом нашла меня у валуна и заметно расслабилась, убедившись, что я никуда не делся. Плохо. Чем сильнее цепляется, тем больше будет рвать нити. Я молча швырнул ей запечённую

на углях тушку дикой птицы.

— Сегодня опять марш-бросок? — тихо спросила она, перехватывая мясо и устраиваясь удобнее.

— Да.

Уточнять направление она не стала. Но через пару минут всё-таки заговорила, глядя куда-то в сторону:

— Про ту ночь... Мы можем не...

— Нет, — перебил я сразу. — Не надо.

Она кивнула, будто и не ждала другого ответа, но губы всё равно дрогнули. Потом добавила совсем тихо:

— Я просто... боялась, что ты теперь будешь смотреть на меня иначе.

Я сжал зубы. Именно это и происходило.

— Ешь. И не носи чушь.

Мы шагали до самого вечера. Дело было в хреновом укрытии — логично, что оставаться две ночи подряд на одном месте означало вырыть себе могилу. К вечеру я заметил идеальную позицию. Баньян возвышался над подлеском метров на пятнадцать, а его переплетённые ветви образовывали удобную площадку высоко над грунтом.

— Сюда, — я мотнул подбородком вверх.

Пэм задрала голову, сильно прищурилась и фыркнула.

— Серьёзно? Опять верхотура?

— Да.

— Мы будем... ночевать там?

— Ты будешь, — я уже нащупывал носком ботинка креп-

кие выступления коры. — А я прогуляюсь.

Её лицо вытянулось, взгляд метнулся с вершины дерева на мачете у меня на поясе.

— Ты снова уходишь резать людей?

— Да.

Она опустила голову, пару секунд гипнотизировала свои кроссовки, после чего молча кивнула. Я помог ей взобраться на площадку, тщательно проверил каждый сук и намертво перевязал её талию плетением из капронового шнура. Дёрнул со всей дури. Узел даже не шелохнулся.

— Уснёшь — не свалишься.

— Ты вернёшься? — она ухватила за край моей футболки.

Этот вопрос превращался в ритуал.

— Вернусь.

Только после этого её пальцы разжались. Но прежде чем я успел отстраниться, она тихо добавила:

— Будь осторожен. Пожалуйста.

По позвоночнику прошёл короткий озноб, хотя воздух оставался душным. Смотреть на неё стало неудобно, поэтому я проверил узел на её талии ещё раз. От этого «пожалуйста» внутри что-то неприятно сжалось.

— Спи, — буркнул я и шагнул вниз.

Ночные джунгли жили по своим законам. Днём лес шумел ветром и птицами, ночью — чужими ошибками. Человек всегда переоценивает свою бесшумность: торопливый

шаг, вдох, треск раздавленного сучка. Свежий след нашёлся на грязи быстрее, чем я рассчитывал. Крупный армейский протектор уходил на северо-запад. Владелец торопился и не скрывал шаги. На одном из листьев папоротника запеклась свежая кровь. Порезался об осоку. Спасибо, земляк, удружил.

Дистанция сократилась за полкилометра.

Запах перегара и дешёвого табака я уловил раньше, чем разглядел сам лагерь. Мужчина устроился у вывернутого корня сейбы: снял сапоги, разложил носки у небольшого огня и бросил винтовку поперёк коленей. Устал. Решил, что ночью в эту глушь никто не сунется. Классический идиот.

Обойдя его по широкой дуге, я зашёл с наветренной стороны и поднялся на скальный выступ. Двадцать метров, прямая видимость, ветер дует мне в затылок. Идеально. Понаблюдав пару минут, я оценил его манеру. Чувак постоянно контролировал левый сектор, иногда бросал взгляд прямо, а правый игнорировал напрочь. Типичный правша. Бывший егерь или лагерный вертухай. Двигается уверенно, но без въедливости профессионала. Настоящий спецура оба ботинка одновременно не сдёргивает — это же азы, блядь.

Я медленно вытянул нож из ножен. Мужчина наклонился к костру, корпус открылся, центр тяжести сместился. Лучшего момента не будет. Три быстрых, бесшумных шага. Два. Один.

Ладонь наглухо закрыла его рот раньше, чем грудная клет-

ка расширилась для вдоха. Тело дёрнулось назад. Лезвие вошло под нижнее ребро под углом сорок пять градусов и ушло вверх, пробивая диафрагму. Он попытался отработать локтем назад, но я держал его намертво. В его руке сверкнуло лезвие, он начал размахивать им, заставив меня отклониться назад, но всё равно, зараза, полоснул меня по плечу. Я не отпустил, пока его мышцы не превратились в кисель. Опустил тушу на траву.

Я проверил винтовку, но патронов не было, поэтому тащить её бесполезно. Забрав фляжку и аптечку, я сразу собирался уходить, но взгляд зацепил край снимка, торчащий из застёгнутого кармана его куртки. Женщина с усталыми глазами, пацан лет пяти. Обычная семья. Я посмотрел на карточку пару секунд и засунул её обратно. Не мои проблемы. Мёртвым похуй, живым — тем более. Интересно, а Осборн хранил фото дочери в бумажнике?

У лесного ручья я наткнулся на крупную копьеголовую гадюку. Именно то, что нужно. Поймал рептилию раздвоенной корягой прямо у затылка, сжал пальцами шею и поднёс к свеженайденной фляжке. Змея раззявила пасть, исходя шипением, и прозрачные капли яда потекли по стенкам. Мало. Понадобится куда больше. Закрыв фляжку, я сбросил гадину в траву. Пусть ползёт. Хоть кто-то сегодня выживет с пользой для дела.

К дереву я вернулся перед самым восходом солнца. Кровь на руке, стекающая от плеча, высохла, но пропитанная по-

том одежда буквально липла к телу. Скоро начнёт рваться по швам. Замерев под баньяном, я прислушался. Тишина.

— Пэм, — выдохнул я вверх.

— Ричард? — откликнулась она мгновенно.

Голос сиплый. Не спала, овечка. Спустив её на землю, я старался не заикливаться на ощущении её бёдер у себя на талии. Стоило её стопам коснуться грязи, как девчонка отступила на шаг и очень внимательно меня оглядела. Взгляд зацепился за моё плечо.

— Опять... — насупилась она.

— Со мной всё в порядке, — я сбросил рюкзак на мох.

— Ричард!

В её интонации прорезалось упрямство. Надо же. Ещё неделю назад боялась дышать в моём присутствии, а теперь качает права. Пэм выдернула из кармана бинт и сделала шаг ко мне.

— Покажи.

— Нечего там смотреть.

— Я не спрашивала разрешения! — она протянула руку к разрыву на ткани.

Я перехватил её запястье за долю секунды до касания. Девчонка застыла. Её ладонь оказалась совсем маленькой и горячей.

От одного этого прикосновения в груди снова закрутился хренов узел, за который хотелось врезать самому себе по затылку. Сука. Я медленно разжал пальцы, выпуская её руку.

— Не трогай.

— Почему?

— Потому что через час там ничего не останется.

Она подозрительно прищурилась, держа бинт наготове.

— Даже если так... тебе же всё равно больно!

— Привык.

— А я не привыкла! — она снова подалась вперёд, пытается рассмотреть кожу. — Сильно ноет?

— Нет. Отвали, Пэм.

Вышло чересчур грубо. Девчонка виновато отдернула кисть, сжав губы в тонкую линию.

— Извини...

Блядь. Опять. Стоит слегка повысить давление — и она сразу замыкается, ища проблему в себе. Боится меня совсем не в том.

— Я не на тебя злюсь, — прочистил я горло.

— Тогда почему?

Потому что ты стоишь слишком близко. Потому что от твоих волос пахнет дымом и чем-то сладким. Потому что я до сих пор помню, как ты стонала в пещере, и знаю, что могу переломать тебя пополам. И потому что не доверяю тебе и твоим рукам.

— Шарики за ролики заехали, — отрезал я, поворачиваясь к рюкзаку. — Не копайся в чужих мозгах, в своих запутаешься.

— Я просто... переживаю. Ты уходишь и возвращаешься весь в крови. Каждый раз. А я сижу и жду.

Чёрт. Она действительно переживала. Не из страха остаться одной — из-за меня. Совсем свихнулась?

— Выживу, — коротко бросил я.

Так прошло ещё несколько дней. Вечером — новое дерево, страховка, проверка узлов и мой уход в темноту. Каждое утро я возвращался всё позже, с ног до головы измазанный свежей кровью — своей и чужой. Пэм перестала задавать вопросы. Молча подавала воду, протягивала бинты и наблюдала за тем, как рваные края ранений смыкаются прямо на глазах. Страх в её взгляде постепенно уступал место чему-то неопределённому, глубокому. Иногда она просто садилась рядом у костра и молчала. Сначала оставляла между нами почти метр, потом её колено касалось моего бедра.

После пещеры любое её касание вытаскивало из памяти совсем другие ощущения: дыхание возле уха, жар, её оголённая кожа. Приходилось смотреть в огонь и делать вид, что я занят чем-то важным.

Особенно раздражало, что она, похоже, занималась тем же самым.

Предпоследнего участника, судя по тому, что я насчитал за эти дни, я обнаружил за километр. Единственный на этом

острове, кто действительно умел работать на открытой местности. Его следы смешивались, он профессионально проходил по руслам ручьёв, путал направления и оставлял грамотные растяжки-ловушки. Любой следопыт потерял бы его. Меня спасло обоняние — еле уловимый запах ружейного масла и запёкшейся крови шёл за ним шлейфом.

Тропа упёрлась в глубокий каменистый овраг. Я замер. Слишком тихо, значит, засада. Успел сделать шаг, когда из чащи хлестнул выстрел. Пуля выбила из коры кусок древесины в сантиметре от моей щеки, обдав лицо острой стружкой. Второй выстрел сразу прилетел следом. Не промах — пристрелка. Я рыбкой нырнул за массив сейбы.

Какого хуя у всех этих уродов до сих пор есть огнестрел и бесконечный боекомплект, а я бегаю по острову с железкой на поясе, как романтик из прошлого века?

Пули начали методично крошить кору укрытия. Стрелок работал без суеты, снайперской классикой. Выглянув из-за ствола на долю секунды, я срисовал позицию. Высоко — метрах в двенадцати над землёй, в развилке веток засел мужик в камуфляже.

Заметив моё движение, он оскалился в усмешке и нагло помахал пальцами. Самоуверенный гандон. Считает, что прижал меня наглухо. Я резко сменил укрытие, перекатившись через валун. Выстрел запоздал — промах. Ещё один — пуля с визгом ушла в сланец. Расстояние до его дерева — метров тридцать. Ждать бессмысленно, надо брать на скоро-

сти.

Я рванул по прямой.

Первый точный зацеп пришёл в левое плечо. Удар крутанул тело, острая боль прожгла мышцы, но ноги отработывали ритм без сбоя. Ещё пять метров. Вторая пуля прилетела точно в грудь, чуть ниже ключицы. Воздух из лёгких вышибло, перед глазами на миг вспыхнула краснота. Я добавил скорости.

— Какого хера?! — донеслось из кроны.

Паника сломала его технику: мужик начал судорожно дёргать затвор, забивая патронник и не понимая, почему мужик с двумя дырками в теле несётся на него со скоростью локомотива.

Оттолкнувшись от валуна, я ухватился за свисающую лиану и махом поднялся на нижнюю ветвь. Кора затрещала под ногами. Незнакомец грязно выругался, бросил карабин и сиганул вглубь кроны, перемещаясь с ловкостью обезьяны. Наверняка мета. Хорош, сцуко. Очень хорош. Но недостаточно.

Я преследовал его молча. Ветви пружинили под весом, лианы хлестали по морде.

— Да сдохни ты, тварь! — заверещал он, разворачиваясь на узком суку и выхватывая из ножен охотничий клинок.

Поздно. Я выбил лезвие снизу быстрым пассом. Сталь полетела в овраг. Мужчина не растерялся — тут же пошёл в ближний бой с коротким кастетом. Профессионал, сразу переключился. Один удар пришёлся мне в челюсть, другой —

пропорол предплечье. Вонзает чётко по артериям и сухожилиям.

Пропустив ещё один порез под рёбра, я сократил дистанцию и сгрёб его за запястье. Мужик дёрнулся, пытаюсь вернуть сустав. Без толку. В его зрачках блеснул дикий ужас, когда он почувствовал, с какой силой сжимаются мои пальцы. Раздался хрустящий звук. Кости кисти превратились в месиво, кастет вывалился из пальцев.

Он наотмашь врезал мне лбом в переносицу. Будь я обычным человеком — носовая кость ушла бы в мозг. Я лишь моргнул от вспышки. А у него теперь было разбито лицо.

— Кто... ты такой?.. — захрипел он, судорожно пытаюсь вырваться.

— Неважно.

Локоть с размаху вошёл ему в солнечное сплетение. Мужчина согнулся, заглатывая воздух, я же сомкнул пальцы на его горле. Он пытался сорвать мою хватку, ногти впивались в мою кожу, но трахея уже плющилась. Последним судорожным движением он выхватил из потайного кармана джинсов миниатюрный дерринджер и вжал спуск. Выстрел в упор пробил мне подмышку. Я даже веком не повёл. Пальцы сжались до конца.

Тело обмякло, глаза остекленели с застывшим ужасом. Я удерживал его ещё пару секунд, после чего вытряхнул из его карманов самодельную карту острова и компас, а тело сбросил вниз.

Осмотрев окровавленную ладонь, а затем и тело, я заметил, как края дырки под ключицей смыкаются медленнее обычного. Регенерация жрала ресурсы, организм запредельно уставал, еды не хватало. Может быть, вот она — моя возможность подохнуть? Истощение? Но думать об этом стоит не сейчас. На острове, скорее всего, остался последний игрок.

Развернувшись, я молча пошел к нашему баньяну.

Пэм ждала.

Глава 7. Памела. В следующей жизни

(Трек Untitled — Dj Mayan)

Утро вышло непривычно тихим. За последние дни уши привыкли к свисту пуль и шорохам, но сейчас чаща словно вымерла. Джунгли дышали влажным жаром, пропахшим прелью и гнилой корой. Крупные капли медленно скатывались по широким листьям папоротника, со стуком разбиваясь о выпирающие корни.

Ричард, сидя на поваленном стволе, изучал какую-то карту, набросанную на вырванных листьях блокнота, которую принёс с рассветом. Я подошла вплотную, чувствуя, как пот струится между лопаток от духоты.

— Нашёл?

Он поднял глаза. Сосредоточенный, привычно холодный.

— Да. Сегодня финал этого паршивого шоу.

Я всматривалась в его лицо. Хотелось наконец выдохнуть, поверить, что всё заканчивается, но страх никуда не делся. Да и поверить до конца не получалось.

— Уверен? А если он не последний?

— Без «если».

Карта исчезла в кармане его штанов.

— Остался один. Придётся идти вместе, иначе за тобой

он может прийти पहले, чем я за ним.

Значит, за последние сутки число участников сократилось до предела. Каждое утро Ричард возвращался испачканный в чужой крови, молча смывал её у ручья и снова уходил. Я больше не спрашивала, кому принадлежала эта бурая корка под его ногтями. Собственное равнодушие к чужим смертям пугало едва ли не сильнее самих джунглей.

Мы пробирались сквозь чащу около двух часов. Ричард молчал. Периодически он приседал у примятой травы, проводил пальцами по надломленной ветке и резко менял направление. Следы, казавшиеся мне обычной грязью, открывали ему всю историю чужих перемещений.

— Когда всё закончится... — пробормотала я, с трудом переставляя ноги, — что они сделают с этим местом?

Он прорубал путь сквозь сплетение лиан, даже не замедляя шага. А я всё никак не могла оторвать от него глаз.

— Зачистят.

— То есть?

— Сожгут временные лагеря. Вывезут вышки и кабели. Соберут трупы.

— Все?

— До последнего, — ответил он и прибавил шаг.

— А родственники погибших? — я устремила следом, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Что скажут им?

— Оформят по стандарту.

— Какому ещё стандарту?

— Несчастный случай в горах. Пропал без вести в поезде. Авиакатастрофа. На что хватит фантазии юристов. Но родство тут... Мало у кого есть. — Он чеканил слова так буднично, будто за его плечами стояли сотни подобным образом закрытых дел.

— Но ведь кто-то захочет докопаться до истины! Начнётся расследование!

— Обязательно начнётся, — хмыкнул он.

— И что тогда?

— Тогда следователи приедут на совершенно пустой, необитаемый кусок суши.

— Не понимаю... — я нахмурилась, переступая через скользкий корень.

Ричард притормозил, скользнув по мне быстрым взглядом. По мне прошли мурашки от его холодных голубых глаз.

— Через пару недель на этих скалах не останется ничего. Спутниковые снимки почистят, документы исчезнут из баз. А миллионные компенсации закроют рты тех, кто самый крикливый.

— А как же спецслужбы?

— Получат ровно тот объём информации, который отмерят организаторы. И бабки.

— И на этом всё?

— Если какой-то ретивый детектив сунет нос слишком глубоко, его жизненный путь пересечётся с оползнем или сердечным приступом. Надеюсь, ты не веришь в справедли-

вость?

Хотелось возразить, закричать, что нормальный мир устроен иначе. Но слова застряли в гортани. На этом острове любые представления о законности рассыпались. А ведь у меня была обычная жизнь...

Похищение. Смертельные игры. Мужчина, идущий впереди, которого не берут даже пули. Когда-то подобное показалось бы бредом воспалённого ума. И я доверяю этому человеку больше, чем самой себе... Даже несмотря на то, что он все эти дни убивает. Особенно... после нашей ночи в пещере.

С того дня Ричард откровенно отстранился. Он не грубил, но при каждом случайном касании отступал и старался не смотреть на меня. Может, чтобы не привязываться. Может, чтобы не привязывалась я. Какой из вариантов был правдой, я не знала. И чем сильнее он отдалялся, тем сильнее я чувствовала, как внутри что-то ломается.

Ричард резко вскинул ладонь. Я остановилась, вжав голову в плечи. Он опустился на одно колено, прижал пальцы к глубокой вмятине во влажном мху, затем подёрнул подбородок, всматриваясь в заросли.

— Нашёл.

Я устремила взгляд в чашу, но видела лишь переплетённые стволы да глянцевые листья.

— Где он?

Ответа не последовало. Лицо Ричарда отвердело, а взгляд

стал пустым. Таким я видела его лишь однажды — перед тем, как он без колебаний отсек человеку голову.

— Держись строго за моей спиной.

— Он настолько опасен?

— Да, — выдохнул Ричард сквозь сжатые зубы. — Такой же, как я. Надо было всё же оставить тебя где-то. Идиот...

Желудок сжался.

— Мета?

— Да.

— Какие у него способности?

— Сейчас увидишь.

Я отступила на шаг, колени начали подгибаться. Ну вот и всё... Что со мной будет? Чем это закончится? Ричард неторопливо сбросил с плеч рюкзак и опустил его к корням. Следом на мох легли нож, пистолет и магазины.

— Ты... что делаешь?

— Если начнётся замес, не дёргайся, — ответил он, разминая кисти до громкого хруста суставов. — Что бы ни произошло, не подходи близко.

— Зачем ты бросаешь оружие?!

Он коротко глянул на меня.

— Голыми руками безопаснее.

Ричард лишь сжал кулаки, будто готовился к спаррингу на ринге, а не к смертельной схватке.

Из глубины леса донёсся смех. Сухой, хриплый, сдавленный. Затем второй отзвук — уже правее. Я испуганно крута-

нулась вокруг своей оси, но подлесок был всё тем же. Смех раздался прямо над ухом, хотя рядом никого не было.

— Ричард...

— Не крути головой, — прозвучало ровно. — Это его трюки.

— Где он?

— Пока нигде.

Новый всплеск хохота ударил в затылок, инстинктивно заставив пригнуться. Листья, стволы, коряги — вокруг не просматривалось ни единого силуэта.

— Он...

— Псиотик, — отрезал Ричард.

Воздух между деревьями плотно задрожал, как от жара. С треском оторвалась толстая сухая ветвь высоко над нами. Невидимая сила вздёрнула её вверх, развернула и направила заострённый скол прямоиком мне в грудь.

Дикий ужас сковал мышцы. Это было не похоже на спецэффекты из фильмов. В реальности от вида летающего трёхметрового бревна волосы встали дыбом.

— В сторону! — Ричард толкнул меня в плечо, сбивая с ног.

За спиной раздался оглушительный треск. Ствол пробил другое дерево насквозь, расщепив кору в пыль. Я больно ударилась боком о камни, перекатилась и подняла голову.

Пространство вокруг искривилось. Маленькие камни, тяжёлые валуны и обломки скал отрывались от земли. Они за-

висали в воздухе, вращаясь вокруг своей оси, словно гравитация отключилась. Я замерла с открытым ртом.

Из-за массивного ствола вышагнул человек. Худой, с впалыми щеками и клочковатой грязной бородой. На нём висели лохмотья камуфляжа. Глаза горели нездоровым огнём, а рот растянулся в безумной ухмылке.

До острова мета существовали для меня где-то между выпусками новостей, политическими спорами и кино. Я знала, на что они способны. Но знать, что человек иной, и стоять в двадцати метрах от такого человека оказалось двумя совершенно разными видами знания.

— Ты... — прохрипел он, впившись взглядом в Ричарда.
— Я чувал тебя... чувал за километры...

Ричард напрягся, слегка приседая.

— Наверху говорили, что тебя обнулили... — безумец зашёлся рваным хохотом. — А ты живой... туша проклятая...

Камни вокруг него закружились быстрее.

— Ты тоже их слышишь?! — он вдруг судорожно вцепился пальцами в свои волосы, содранные ногти пустили кровь по лбу. — Голоса... Они не затыкаются! Столько ора в голове!

Я попятилась. Он разговаривал не со мной и не с Ричардом.

— Пэм. Закрой уши. Наглухо.

Спросить «зачем» я не успела. Внутри черепа вспыхнула слепящая боль, будто в уши вогнали раскалённые штыри. Я

закричала, падая на колени и зажимая голову ладонями.

Чужие крики, плач, брань, предсмертные стоны обрушились на моё сознание сплошным потоком. Голова раскалывалась, из ноздри на губу потекла горячая струйка крови, отдавая железом на языке.

Сквозь этот гул пробился выкрик Ричарда:

— А ну иди сюда!

Я подняла глаза. Ричард уже нёсся вперёд, напролом сквозь вихрь летящего щебня.

Телепат даже не шевелился. Сформированный в воздухе каскад камней сорвался с места, и валуны размером с кулак и с человеческую голову с диким свистом полетели в Ричарда со всех сторон.

Первый удар пришёлся ему в плечо, второй — в грудину. Третий раздробил скулу, сбивая кожу. Любой другой упал бы замертво. Ричард лишь замедлил шаг, упрямо продавливая пространство.

— Нет... — Безумец опешил, рот его перекосило. — Сдохни!

Из земли вырвался толстый корень и, выкрутившись в воздухе, полетел вперёд, как таран. Ричард успел отклониться влево, но корень с размаху ударил его под рёбра.

— Ричард! — выкрикнула я, сжимая голову лишь сильнее.

С грохотом врезавшись спиной в скалу, он осел на мох.

— Видишь?! — Телепат зашёлся визгливым смехом. —

Вы тоже сдохнете! Слышите, вы, он тоже сдохнет!

Ричард поднялся. Левое плечо висело неестественно вывернутым, из рассечённой брови заливало глаз кровью. Безумец ухмыльнулся.

— Боль чувствуешь? Ну ничего, сейчас добавлю!

Несколько зазубренных осколков скальной породы и заострённых сучьев сорвались с места. Один прошёл в сантиметре над головой Ричарда, а другой с хрустом распорол бедро. Самый длинный обломок ветки с мерзким звуком пробил живот насквозь, высунувшись из спины. Я зажмурилась, истошно вскрикнув. Но Ричард даже не притормозил. В глазах телепата наконец вспыхнул осознанный ужас. Он попятился, спотыкаясь.

— Да что ты вообще за херня такая?!

Ричард преодолел остаток дистанции в один стремительный прыжок. Громкий хлопок — и невидимый, плотный барьер ударил его в грудь с силой урагана. Отброшенный назад, он перекатился через плечо, пружинисто вскочил в грязь и, сплюнув кровь, снова бросился в атаку.

Уши заложило от нового всплеска ментального вопля. Деревья трещали, с ветвей дождём сыпалась листва. Чужие воспоминания и крики в моей голове стали настолько громкими, что глаза застилало. Я смогла лишь отползти подальше.

Сквозь пелену я увидела, как Ричард выскочил напрямик к нему. Телепат вскинул руку, направляя сверху огромный валун размером с автомобильное колесо. Ричард выставил

правую руку и ударил по летящему камню, осколки обсыпали безумца. Секундное замешательство стоило ему жизни. Ричард сделал шаг и пальцами впился в его шею.

Кружащие камни, сучья и железо превратились в смерч. Острый осколок содрал Ричарду щёку и рассек предплечье, но он не ослаблял хватки. Телепат судорожно бил его по раненой руке, захлёбываясь слюной.

Ричард склонился к самому его уху, а его голос прозвучал прямо у меня в голове:

— Хьюстон, у тебя проблемы.

Хруст шеи разорвал гул, и все висящие в воздухе предметы одновременно обрушились на землю с грохотом. Ричард секунду удерживал труп на весу, затем разжал пальцы. Тело рухнуло в грязь.

— Ричард... — выдохнула я, поднимаясь на дрожащих, неслушающихся ногах.

Земля вокруг напоминала эпицентр взрыва: вывернутые валуны, поломанные стволы, развороченная земля. В воздухе висел запах озона, палёной древесины и сырого железа. Ричард медленно повалился на одно колено. В груди всё сжалось в дрожащий комок. Только не это. Пожалуйста, только не сейчас.

Лишь теперь, когда рассеялась пыль, я разглядела масштаб повреждений. Левое плечо пробито, из живота торчит кусок древесины, бедро распорото до мяса, а всё лицо покрыто глубокими порезами.

Я подбежала к нему, с размаху падая на грязь рядом.

— Замри! Не двигайся, ради бога!

Он повернул ко мне окровавленное лицо, рвано дыша. Я потеряла дар речи. Вместо кости под ободранной кожей на скуле поблескивала гладкая металлическая пластина. Имплант? От мысли, что кто-то когда-то разрезал ему лицо и вкрутил это внутрь, меня затошнило сильнее, чем от крови.

— Живая?

— Да! Да! Но ты...

В этот момент где-то в отдалении послышался какой-то звук, словно сирена. Я завертела головой, невольно пригнувшись.

— Что это?..

— Отлично, — лишь выдохнул Ричард.

Его пальцы медленно скользнули в карман штанов, вытягивая небольшую фляжку. Сдёрнул зубами пробку. До меня дошло мгновенно: он не ошибся, а этот звук был знаком, что мы последние. Финал.

— Нет! Не смей! Что это?!

Я попыталась выбить металл из его кисти, но Ричард легко отвёл мою руку. Даже полумёртвым он оставался нечеловечески сильным.

— Яд. Не лезь, маленькая балерина, — отрезал он на мой протест и одним махом опрокинул содержимое в рот.

— НЕТ!

Фляжка упала на сланец, звякнув. Мысли смешались в

сплошную панику: зачем так быстро?! Вдруг было другое решение?! Я вцепилась в его окровавленную футболку, пальцы стали липкими.

— Зачем?! Зачем выпил?!

Он тяжело дышал. Кожа на его лице на глазах становилась серой. По шее побежали синеватые прожилки, разрастаясь, словно гнилая паутина. Грудь свело от ужаса. Это... что это ещё такое?

— Ричард!

Он с трудом поднял веки. В его глазах больше не было льда или привычной насмешки.

— Увидимся... в следующей жизни... маленькая балерина — уголок его рта чуть дёрнулся.

— Нет! — закричала я, заливаясь слезами, расплывающимися его силуэт. — Зачем ты так?! Можно было что-то придумать! Нет!

Он молчал, а синева на коже становилась всё темнее. Он уходит. Сбегает в эту свою следующую жизнь. Неужели это всё ради меня... Боже мой...

— Не смей... Пожалуйста... Не смей умирать!

Я судорожно трясла его за широкие плечи, звала по имени, но он становился тяжелее с каждой секундой, заваливаясь на землю, его голова откинулась назад. Удержать я его не смогла.

— Ричард!

Тишина. Я прижалась ухом к его пробитой груди, пытаюсь

уловить хоть какой-то звук. Ничего. Ни единого удара. Сердце замерло. Это бред. Он не может помереть от яда, выживая при вспоротом животе! Он просто выключается, чтобы регенерировать! Да, именно так!

— Нет-нет-нет...

Я начала делать непрямой массаж сердца. Беспорядочно, всей массой тела надавливая на его жёсткую грудную клетку. Надавливала, рыдала, кричала его имя. Кровь из его ран мазала мои руки, пропитывала одежду, но мне было всё равно. Работает же! В кино это работает! Ну же, толкай кровь! Счёт времени потерялся.

— Дыши! Слышишь?! Очнись!

Над лесом нарастал оглушительный гул вертолётных винтов, поток воздуха от лопастей прижал траву к земле. Я даже не подняла головы. Плевать на них. Плевать на всех. Я давила на его грудь, задыхаясь от слёз и собственного бессилия.

— Не смей оставлять меня одну... Пожалуйста...

Рядом с треском начали ломаться ветви. На поляну выскочили десятки вооружённых людей в чёрных комбинезонах без опознавательных знаков.

— Цель зафиксирована!

— Девушка жива!

— Проверить мужчину!

Чьи-то руки схватили меня за плечи, нагло пытаюсь оттащить. Вспышка ярости затопила разум: не смейте к нему прикасаться! Вы не имеете права! Я развернулась и с диким визгом впиалась ногтями человеку в лицо, ощущая, как под пальцами рвётся кожа.

— Пошли вон!

Меня скрутили сразу трое, прижимая к мокрой траве. Я кусалась, отбивалась ногами, визжала, вырываясь из захватов, пока во рту не появился металлический вкус собственной разбитой губы.

— Держите её! У неё психоз!

— Ричард! — звала я, бьась в их захватах.

Кто-то приложил к груди Ричарда портативный монитор, защёлкнул датчик на пальце и опустил глаза на экран. Я впи-лась взглядом в почти прямую линию и по-настоящему по-верила, что никакой регенерации больше не будет.

— Объект ликвидирован. Девчонка до нашего прилёта пыталась его откачать.

Это слово — «объект» — ударило по мозгам. Объект? Для них он просто чёртов объект?! Всё, через что мы прошли, вся эта боль — просто списание имущества?! Силы вытекли из тела, я обмякла в чужих руках.

Меня потащили к повисшему над прогалиной вертолёту. Я видела только его неподвижную фигуру в грязи, пока кро-ны не заслонили обзор.

Прости меня...

Полёт прошёл как в тумане. Вены кололи иглами, кто-то надевал на меня кислородную маску, светил фонариком в зрачки. Я смотрела в рифлёный металлический пол и мол-чала. Мой разум просто отказался воспринимать происходя-щее.

Очнулась я уже в какой-то роскошной комнате. Большая

люстра, белый мрамор, тошнотворный запах дорогой парфюмерии и древесины. Сколько дней я провела в ней — не знаю. Ко мне часто приходили люди в белых халатах, ставили капельницы, приносили еду, но я словно была не в реальности. Иногда я вставала, чтобы размять затёкшие мышцы, но меня мало интересовало, что происходит. Время растянулось и исчезло. Были только светлые стены, свет и ощущение, что всё это происходит с кем-то другим. Иногда сквозь сон доносились голоса: «Шок», «Дегидратация», «Психотравма». Иногда — шёпот за дверью. Я не пыталась слушать. Просто лежала и смотрела в потолок, пока дни не слились.

— Эй, вставай, — раздалось у постели.

И я послушно поднялась.

Вооружённый автоматом мужчина повёл меня по длинному коридору и завёл в другую комнату. Окружение вокруг походило на какой-то... особняк. За столом из красного дерева сидел седой мужчина в безупречном костюме-тройке, рядом стояла женщина с электронным планшетом. Всё вокруг казалось сюрреалистичной декорацией. Где лесные запахи? Где грязь? Почему они все выглядят так, будто ничего не произошло?!

— Присаживайтесь, мисс Осборн, — указал он на кресло.

Я осталась стоять, вцепившись пальцами в край стола так, что побелели костяшки. Мужчина даже глазом не моргнул.

— Изучите соглашение.

Женщина положила передо мной пару листов.

— Документ о полном неразглашении. Вы обязуетесь не передавать информацию третьим лицам и прессе.

— Что за чёрт?! — закричала я.

— Мисс, — мужчина сложил пальцы домиком, — послушайте внимательно. Для всего внешнего мира вы — единственная выжившая пассажирка экскурсионного катера, потерпевшего крушение. Это официальная версия.

— Это ложь!

— Разумеется, — без тени смущения согласился он, — но именно эта версия останется в документах. Компенсационный счёт уже открыт на ваше имя. Сумма достаточна, чтобы закрыть любые вопросы.

— Я... — голос был предательски сиплым. — А если я расскажу всё?! Если пойду в полицию?!

Мужчина чуть подался вперёд, на его губах проскочила снисходительная усмешка:

— Тогда у компетентных служб возникнет необходимость ликвидировать утечку. Мы не угрожаем, мисс Осборн. Мы просто объясняем последствия. Ваши близкие уже получили предварительное уведомление.

Я... Я для них такое же ничто, как и все те, кто остался гнить в джунглях. Всё, как и говорил Ричард. Какой же... всё это бред...

— Подписывайте, — повторила женщина, протягивая ручку.

Дрожащими пальцами я поставила подпись на последнем листе. Буквы расплывались перед глазами. Я оказалась слишком слабой. И сдуру наговорила угроз... Это конец.

— Теперь... — я вытерла слёзы тыльной стороной ладони, — теперь вы меня застрелите?

— Если бы мы планировали ваше уничтожение, бумажная волокита была бы излишней. Вас доставят домой. Спасибо за участие.

Глава 8. Памела. Следующая жизнь

(Трек The Irrepressibles — In This Shirt)

Трое суток безымянной переборски — оглушительный свист лопастей, вибрация военного вертолётa и давящая вибрация частного бизнес-джета. Сопровождающие были иными: собранные, молчаливые, в опрятной форме, словно из спецслужб. С непроницаемыми лицами они передавали меня из рук в руки, точно опасный груз, в конце концов заперев в салоне тонированного седана.

В Бостоне слепило солнце.

Я смотрела в окно автомобиля и не вмещала в голову, почему всё вокруг продолжает суетливое вращение. Прохожие спешили по делам, на перекрёстке остановился городской автобус, мужчина в деловом костюме оживлённо жестикулировал с телефоном у уха, а перед пешеходным переходом молодая мать поправляла дочери розовый рюкзак. Впереди взвизгнул клаксон, жизнь кипела, и ничьё лицо не выдавало катастрофы.

В груди нарастала тяжесть. Зависть? Нет. И не злость. Глубокое отчуждение. Я смотрела на мир как сквозь толщу мутного аквариумного стекла, ведь все эти люди дышали привычной реальностью, тогда как моя сгорела.

Автобус тронулся, открывая огромный рекламный щит на фасаде кинотеатра. На чёрном фоне стоял мужчина вoble-

гающем костюме, удерживая над головой перевёрнутый автомобиль. Надпись: **«СИЛЬНЕЕ ЗАКОНА. Только в кинотеатрах с пятницы».**

Мета. Голливуд давно превратил людей со способностями в отдельный жанр: фильмы, сериалы, фигурки, детские игрушки. Настоящих мета показывали в новостях совсем иначе — задержания, судебные процессы, обязательная регистрация, споры о том, где заканчиваются права человека и начинается общественная безопасность.

Перед глазами вдруг возник Ричард, идущий сквозь летящие камни с пробитым животом. Я отвернулась от окна.

Водитель молчал, лишь изредка бросая в зеркало заднего вида изучающие взгляды, но мне было всё равно. Большой палец скользнул по ладони, соскребая несуществующий сор. Под ногтями теперь была чистая кожа, на ногах сидели свежие кроссовки, на теле — тонкая белая футболка и тёмные спортивные брюки, а от волос веяло дорогой парфюмерной отдушкой.

Стоило зажмуриться, как в ноздри забивался застарелый запах крови, мокрой сырой земли, пороха и гниющей плоти. Эта вонь въелась глубоко под кожу, и ее невозможно было смыть ничем.

Приоткрытое окно впустило в салон тёплый поток воздуха с ароматами раскалённого асфальта, выхлопных газов и свежесваренного эспрессо из ближайшей кофейни, отчего к горлу подкатила тошнота.

— Почти приехали, — произнёс водитель, нарушив молчание впервые за весь путь.

Город постепенно остался позади. Дом находился в Уэстоне, западнее Бостона: достаточно близко, чтобы всю жизнь ездить в театр, и достаточно далеко, чтобы за каменной оградой переставать слышать мегаполис.

Машина свернула на знакомую улицу с высокими дубами, белыми изгородями и просторными особняками за туями. Родной дом. Во мне должна была подняться радость или хотя бы лёгкое облегчение, но грудь сковало.

Авто притормозило перед массивными воротами. Объектив камеры над въездом повернулся, мигнув алой точкой индикатора, и через пару секунд створки разъехались с металлическим скрежетом. От этого звука мышцы напряглись. Пальцы впились в ткань брюк, а дыхание перехватило. Сознание догнало тело лишь позже: передо мной обычные автоматические ворота, не засада, не растяжка под ногой и не чужие шаги за спиной. Выдох получился очень сиплым. Водитель сделал вид, будто ничего не заметил.

Колёса покатались по светлой гранитной дорожке. Меня не было здесь около... месяца? По обе стороны — идеально подстриженный самшит, дальше белые розы, которые когда-то высадила мама. В детстве я носилась по этим газонам и слушала показное ворчание садовника.

Сейчас смотрела совсем на другое. Мозг сам по себе оценивал территорию: где укрыться, какие окна простреливают-

ся и сколько секунд потребуется для того, чтобы добежать до дуба.

Что со мной происходит? Я ведь дома.

Автомобиль объехал фонтан, где вода тихо журчала, переливаясь на солнце. В детстве я часто бросала туда монетки и просила исполнить желания. Глупость, ведь все желания уже закончились.

Перед главным входом машина остановилась. Высокие двери особняка были распахнуты, и на верхней площадке лестницы кто-то стоял. Несколько человек ждали. Сердце колотилось о рёбра, горло сжалось, пока я смотрела на них и не могла заставить себя открыть дверь.

Водитель вышел первым, обошёл автомобиль и открыл её сам.

— Мы приехали, мисс Осборн.

Я не двигалась, а он терпеливо ждал. Наконец я заставила себя поставить ноги на землю, и гравий захрустел под подошвами — слишком громко. Я подняла голову в поисках привычных звуков: стрекота насекомых и далёких выстрелов.

На верхней ступеньке стоял Джордж — высокий худощавый мужчина с идеально прямой осанкой, серебристыми волосами, в тёмном фраке без единой складки. За двадцать с лишним лет я ни разу не видела его неряшливым. Он работал у нашей семьи ещё до моего рождения и помнил меня совсем маленькой. Когда я разбивала колени, именно Джордж тайком приносил шоколадное печенье, пока отец делал вид,

что сердится за очередную испорченную одежду. Он всегда оставался частью этого дома.

Сегодня Джордж выглядел гораздо старше, а в обращённом ко мне взгляде читалась настоящая боль и осторожность. Он смотрел так, будто ещё не до конца верил, что перед ним не фантом.

Он медленно спустился навстречу, остановился в двух шагах и тихо произнёс:

— С возвращением домой, Памела.

Домой. Как же это чуждо... Я посмотрела на особняк. Белый камень, огромные окна, балкон второго этажа. Здесь я знала каждый угол. И всё равно сейчас смотрела на здание почти как в первый раз. Особенно на окна. Не отпускала мысль, что за одним из тёмных стёкол кто-то может стоять и смотреть в ответ.

По фасаду ничего подозрительного. В ближайшем стеклопакете — только моё бледное отражение.

— Мисс... — осторожно позвал Джордж. Видимо, заметил, как я напряглась.

— Простите... Всё хорошо.

Это была самая очевидная ложь в моей жизни. Джордж не стал спорить и лишь отступил в сторону, освобождая проход.

— Нам сообщили, что случилось... Вам нужно отдохнуть.

Я посмотрела на открытую дверь, за которой скрывался тёмный холл, мраморный пол и парадная лестница. Потребовалось усилие, чтобы заставить себя переступить порог.

В особняке было прохладно от кондиционеров, и после джунглей воздух казался сухим до боли. Горло сжалось, потребовав воды из помятой военной фляжки.

Фляжки... Её больше не было, она осталась на острове вместе с человеком, который заставлял меня пить через силу, вместе с человеком, который...

Нет. Мысль нужно выжечь.

В холле сохранялся знакомый мне порядок: справа стоял огромный чёрный рояль, на котором мама играла вечерами. После её смерти инструмент превратился в предмет интерьера, который продолжали настраивать и протирать от пыли, хотя никто больше не касался клавиш уже тринадцать лет.

Над камином висел портрет родителей: отец стоял чуть позади матери, положив ладонь ей на плечо, и, пока она улыбалась художнику, у него лишь слегка был приподнят уголок губ.

Взгляд приковало к лицу отца, и грудь болезненно сдавило.

— Мисс... — донёсся отдалённый голос Джорджа.

Если просто стоять, можно притвориться, что ничего не произошло, а остров был лишь бредовым сном. Что сейчас отец спустится по лестнице, поправляя часы на запястье, недовольно спросит, почему я опять пропала на несколько дней, и нахмурится при виде синяков. Спустится...

— Где папа?

— Идёмте... — Джордж осторожно коснулся моего локтя.

Лёгкое прикосновение отозвалось взрывом. Я развернулась, правая рука сорвалась в хлёткий прямой удар, пальцы сжались в кулак, а дыхание застряло в гортани. Перед глазами мелькнул враг, подкравшийся со спины.

Кулак остановился в сантиметре от его лица. Джордж не двинулся. Побледнел и испуганно убрал руку.

— Простите... — выдохнула я хрипло. — Я...

Слова не находились. Как объяснить, что я едва не перебила ему кадык из-за вшивого инстинкта выживания?

Джордж первым отвёл взгляд, в его позе застрял неосознанный страх, отчего стало только хуже.

— Идёмте... — повторил он.

Каждый шаг отдавался эхом. Особняк казался вымершим, потому что ни чужих голосов, ни звука посуды с кухни или телевизора не было. Я сразу поднялась в свою комнату. Джордж проводил меня до двери, тихо сказал, что еда будет на столике, если захочу, получил кивок в ответ и закрыл дверь.

Первую ночь я почти не спала. Проверяла спальню так же, как проверяла каждый привал на острове: шкаф, ванная, пространство под кроватью. Замок на двери щёлкнул трижды. Под подушку я положила металлическую статуэтку с камина — единственное, что хоть отдалённо напоминало оружие, помимо ножей. Утром Джордж принёс завтрак. Я ела медленно и молча, а он не задавал вопросов, только смотрел с той же осторожной болью. И не отвечал на вопро-

сы об отце. Я начала догадываться, но... Почему-то внутри ничего не ёкало.

Вся прислуга явно понимала, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Особенно Джордж. И я была рада, что мне не нужно пытаться что-то объяснять.

После моего исчезновения отец успел перевести охрану на усиленный режим. Джордж сообщил об этом на следующий день: новые сотрудники снаружи, дополнительные камеры, круглосуточный пост наблюдения, ещё одна смена людей. Он предложил нанять отдельную группу сопровождения, которые ездили бы со мной постоянно. Я отказалась.

— Мисс Осборн, после случившегося это крайне неразумно.

— Возможно.

— Тогда почему?

Я посмотрела на незнакомые фамилии в списке, который он мне вручил.

— Потому что в прошлый раз кто-то тоже знал мой график, машину и точное время, когда я останусь одна. Новых людей рядом со мной не будет. Оставьте тех, кто работал раньше.

Джордж поджал губы.

— Хотя бы на территории?

— На территории — сколько угодно. В машине и рядом со мной — только знакомые.

На следующее утро Джордж задёрнул шторы в гостиной

раньше обычного.

За воротами стояли три телевизионных фургона. Вдоль обочины выстроились машины, а у каменной ограды толпились люди с камерами и длинными объективами.

— Они давно там?

— С пяти утра.

На телевизоре без звука шёл новостной выпуск. В нижней полосе двигалась надпись: «**ПАМЕЛА ОСБОРН НАЙДЕНА ЖИВОЙ. ЕДИНСТВЕННАЯ ДОЧЬ ДЖОНАТАНА ОСБОРНА ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ**». На экране появилась фотография двухлетней давности: красное платье, уложенные волосы и улыбка. Я долго разглядывала собственное лицо. Ничего общего с женщиной в отражении оконного стекла.

— Кто им рассказал?

— Федеральные службы подтвердили ваше возвращение ночью. Утром пресс-служба Osborn Biomedical выпустила заявление.

— От моего имени?

Джордж отвёл глаза.

— В том числе.

Даже вернуться к жизни мне не позволили самостоятельно... Больше я не выходила из комнаты, лишь иногда спускалась вниз или проходила по коридорам, останавливалась у кабинета отца и снова уходила.

Только на исходе третьих суток я взяла телефон. Запас-

ной, что всегда оставался дома. Я несколько раз брала его в руки и клала обратно, не в силах написать кому-то, услышать знакомые голоса и объяснить то, что объяснить нельзя. Экран ожил от прикосновения: батарея была полностью заряжена — Джордж, конечно, ставил его на зарядку каждый день, просто ждал, что однажды я вернусь и он снова понадобится.

Я открыла новости и почти сразу пожалела.

«НАСЛЕДНИЦА OSBORN BIOMEDICAL НАЙДЕНА ЖИВОЙ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ КАТЕРА».

Ниже шли старые публикации:

«Памела Осборн внезапно покинула Бостон».

«Отпуск без предупреждения: близкие наследницы не знают, где она находится».

«Осборн снова исчезла из публичного поля».

А под ними — комментарии:

«У богатых свои развлечения».

«Папины миллиарды позволяют пропасть на месяц и заставить всех переживать».

«Типичная избалованная наследница».

Твари... Пока я просыпалась на бетонном полу со связанными руками, весь мир решил, что я валяюсь где-нибудь на частном пляже.

Я разблокировала экран, но устройство почти сразу завибрировало. Потом ещё раз и ещё. Уведомления посыпались одно за другим: сообщения, пропущенные вызовы,

электронная почта, новостные приложения, банковские уведомления.

Я просто зависла, будто это происходило с кем-то другим, а потом открыла список уведомлений: сто двадцать семь пропущенных вызовов, двести девяносто четыре непрочитанных сообщения. Большую часть я даже не узнала — журналисты, незнакомые номера, представители компаний, какие-то официальные письма. Я пролистывала их почти не глядя, пока палец не остановился сам.

Эмили. Двадцать восемь пропущенных вызовов, пятьдесят три сообщения и ни одного ответа.

Эмили Беннет появилась в моей жизни раньше, чем я научилась нормально заплетать волосы перед уроками. Наши семьи дружили, мы росли практически в соседних домах, а потом как-то незаметно перестали разделять, где заканчивается семья Беннет и начинается моя. В детстве именно она придумывала, как скрыть разбитое окно от родителей; во взрослом возрасте — кому звонить, если разбивать уже приходилось жизнь.

Я открыла переписку. Самое первое сообщение было отправлено через несколько часов после моего исчезновения:

Emily: «Пэм, возьми трубку».

Следующее через пять минут:

Emily: «Ты где?»

Через час:

Emily: «Пожалуйста, ответь».

Дальше сообщения становились всё длиннее. Она писала каждый день, иногда несколько раз, иногда всего одно предложение:

Emily: «Сегодня снова были новости».

Emily: «Они расширили район поисков».

Emily: «Я разговаривала с береговой охраной».

Emily: «Мы не перестанем искать».

Очень по-эмилиевски: факты, действия, следующий шаг. Даже сейчас я могла представить её за рабочим столом: тёмно-каштановые волосы убраны за уши, карие глаза упёрлись в экран, рядом остывает кофе, а открытая аналитическая таблица инвестиционной компании давно забыта ради очередного звонка следователю.

Через неделю:

Emily: «Я не верю им».

Ещё через несколько дней:

Emily: «Папа говорит, что нужно готовиться к худшему. Я послала его к чёрту».

Губы тронула улыбка. Последнее сообщение пришло вчера вечером:

Emily: «Если ты сейчас это читаешь... значит, произошло чудо».

Emily: «Пожалуйста, просто напиши, что ты жива».

Я закрыла глаза и открыла вторую переписку.

Софи. Тридцать четыре пропущенных вызова, шестьдесят одно непрочитанное сообщение, восемнадцать голосовых.

Вот здесь всё выглядело наоборот. Софи не умела переживать молча даже в лучшие времена. Если Эмили сначала думала, а потом действовала, её младшая сестра успевала действовать, говорить и чувствовать одновременно. И часто отсылала фото.

Первая фотография: мы втроём — я, Эмили и Софи — на каком-то летнем фестивале. Софи держит телефон над головой, пытаясь вместить нас в кадр. На снимке её длинные каштановые волосы растрепал ветер, веснушчатый нос почти упирался мне в щёку, а Эмили с другой стороны смотрела в объектив с выражением человека, которого силой заставили участвовать в коллективном идиотизме. Я помнила тот день, когда мы смеялись без остановки.

Следующая фотография — букет белых лилий и подпись: Sophie: «Я поставила их у твоей фотографии дома. Когда вернёшься, будешь ругаться, что я выбрала не те цветы».

Следом шло видео какого-то лохматого пса с одним стоячим ухом.

Sophie: «А этого я заберу из приюта, если ты не вернёшься и не отговоришь меня. Эмили уже сказала, что домой меня с ним не пустит».

Я прижала пальцы к губам. Ниже:

Sophie: «Я всё равно не верю».

Sophie: «Ты слишком упрямая, чтобы умереть».

Следующее сообщение было отправлено всего несколько часов назад:

Sophie: «Я приеду к твоему дому завтра».

Sophie: «Ответь...»

Всего одно слово и многоточие.

Я выдохнула, потом открыла клавиатуру. Пальцы зависли над буквами. «Я дома». Нет. Стереть. «Я жива». Нет, это звучало слишком холодно и чуждо. Что вообще можно написать людям, которые уже почти месяц считают тебя погибшей? Наконец я медленно набрала всего три слова:

«Я вернулась домой».

Несколько секунд я смотрела на сообщение, потом нажала «Отправить». Оно исчезло из строки ввода и появилось в переписке. Не прошло и двух секунд, как телефон зазвонил.

Софи.

Я вздрогнула. Экран продолжал светиться её фотографией. Палец завис над кнопкой ответа. Почему-то стало страшнее, чем на острове, ведь там всё было просто: или выживешь, или нет. Здесь нужно было снова стать собой, а я уже не знала, кто я.

Телефон замолчал и через секунду завибрировал снова. Эмили. Я закрыла глаза и всё-таки ответила. Но в трубке слышалось только частое, сбивчивое дыхание на том конце провода. Потом совсем тихо:

— Пэм?.. — Она не спрашивала, она боялась ошибиться.

— Да.

Послышался судорожный вдох. Ещё один.

— Господи... — совсем шёпотом. — Господи...

Раздался грохот, будто телефон выскользнул из рук, и где-то вдалеке закричала Софи:

— Что?! Это она? Эмили?!

Послышались быстрые шаги, чей-то плач, голоса перебивали друг друга.

— Пэм?! — теперь уже Софи. — Пэм, это правда ты?!

— Да... — ответила я почти беззвучно.

На линии снова возникла суета, а потом телефон опять оказался у Эмили, которая говорила настолько быстро, что половину слов невозможно было разобрать:

— Мы сейчас приедем. Слышишь? Просто дождись нас. Хорошо?

— Хорошо.

Я кивнула и только потом поняла, что им этого не видно.

— Двадцать минут. Максимум.

Она отключилась, а я ещё долго смотрела на погасший экран. Но эта потеря в пространстве длилась недолго: минут через пятнадцать внизу хлопнула дверь, послышались торопливые шаги и женские голоса. Два совершенно разных ритма я узнала раньше, чем открылась дверь спальни: торопливый стук каблуков Софи и быстрый, но ровный шаг Эмили.

Софи влетела первой. Куртка была застёгнута криво, волосы спутались после дороги, на щеках блестели слёзы.

— Пэм!

Она притормозила на пороге. Волосы у Софи отросли,

веснушек будто прибавилось. А ещё красные, опухшие глаза. В остальном — всё та же Софи. Она вдруг сорвалась с места, подбежала и стиснула меня так, что стало трудно дышать. Я даже с постели встать не успела.

— Господи... — её голос дрожал. — Господи... — она всхлипнула прямо мне в плечо. — Ты живая...

Я осторожно подняла руку и неловко положила ей на спину, будто разучилась обнимать людей.

В дверях стояла Эмили. Если не считать фамильного сходства в линии скул и разрезе глаз, спутать сестёр было невозможно. Эмили была выше, прямые тёмно-каштановые волосы доходили до ключиц, карие глаза смотрели внимательно и трезво. Строгие брюки, светлая футболка и тёмный пиджак, накинутый кое-как. Обычно каждый волос у неё знал своё место. Сейчас половина прядей выбилась из небрежного хвоста.

Она не двигалась и смотрела на меня так внимательно, словно пыталась убедиться, что перед ней не мираж. Всегда идеально собранная и спокойная, сейчас она выглядела потерянной.

Я слабо улыбнулась ей.

— Привет.

Именно после этих слов она быстро подошла и крепко обняла меня — совсем иначе, чем Софи, без рыданий и всхлипов, но её руки дрожали. Я почувствовала, как что-то тёплое коснулось моей щеки: Эмили тоже плакала, впервые за мно-

го лет. А вот я... У меня глаза совсем не помокрели.

Наконец Софи вытерла глаза ладонями, попыталась улыбнуться и сделала шаг назад. Рассматривая меня ближе, она резко изменилась в лице.

— Пэм... — произнесла она совсем тихо. — Ты...

Она не договорила. Эмили тоже внимательно осмотрела меня от лица к плечам и рукам, остановившись на свободно висящей футболке, выступающих ключицах и бледных царапинах.

Ничего не спрашивая, она лишь спокойно произнесла:

— Ты почти ничего не вешишь.

— Эм, — негромко одёрнула её Софи. — Иногда я забываю, почему тебя в детстве никто не приглашал утешать людей.

Я опустила взгляд.

— Мы потом поговорим, — тихо продолжила Софи. — Не сейчас.

Эмили всё поняла и кивнула.

— Конечно.

Она вытерла лицо и глубоко вздохнула.

Мы просидели на кровати до глубокой ночи. Софи рассказывала про съёмку, которую сорвал внезапный ливень, про невесту, потребовавшую переснять половину свадьбы из-за «неудачного левого профиля», и про пса из приюта, которого она уже третий день пыталась кому-нибудь пристроить, потому что Эмили категорически запретила тащить четвёр-

тое животное домой.

— Третье, — поправила Эмили.

— Рыбки не считаются.

— Аквариум занимает половину гостиной.

— Видишь? — Софи повернулась ко мне. — Я месяц живу под тиранией.

— Двадцать с лишним лет, — уточнила я.

Софи замолчала, потом расплылась в улыбке.

Эмили почти не рассказывала о себе. Только вскользь пожаловалась, что партнёры компании за последний месяц научились проводить комитет без неё и теперь, цитирую, «считают себя самостоятельными людьми». Но каждый раз, когда разговор затихал, она находила новый безопасный предмет для обсуждения.

Они делали это специально, возвращая в комнату обычную жизнь. Но ближе к двум часам Эмили всё-таки осторожно спросила:

— Пэм... что с тобой произошло?

Я отвела глаза в сторону и тихо ответила:

— Я не расскажу. Не потому, что не доверяю, а потому, что это опасно для вас.

— Мы можем помочь, — Софи сжала мою руку, и я взглянула на неё. — Хотя чем-то.

— Можете. Просто... будьте рядом и не спрашивайте.

Эмили кивнула и после короткой паузы добавила:

— Тебе стоит поговорить с кем-то. С психиатром. И...

наверное, нанять охрану, хотя бы на время. Всё, что вокруг тебя сейчас... слишком мутное...

— Я подумую.

— И мы... Мы ничего им не сказали, — резко сказала Эмили.

— Кому?

— Журналистам. Они звонили мне, в офис, родителям. Вчера двое стояли возле дома.

— Один предложил деньги за твоё старое голосовое, — зло добавила Софи. — Я очень подробно объяснила, куда он может засунуть деньги.

— Простите, — я опустила взгляд.

— За что ты сейчас извиняешься? — Эмили нахмурилась. Я и сама не знала.

Они решили заночевать тут, ведь оставаться одной у меня больше не было моральных сил. Мы легли втроём на мою огромную кровать: Софи рядом, Эмили с другого края. С их теплом я заснула, не проверяя двери.

На следующее утро Джордж сообщил, что в кабинете отца меня ждёт мистер Холлоуэй. Когда я зашла, сразу почувствовала знакомый запах кедра, кожи, кофе, любимых сигар отца и книжных переплётов. Здесь всё ещё пахло им... Горло болезненно сжалось.

Стол выглядел как раньше. Фотографии, настольные часы, даже стакан для воды остались на месте. Отец мог вернуться сюда в любую минуту. По крайней мере, именно та-

кое чувство возникало.

Лишь потом я перевела взгляд на незнакомого мужчину. Он поднялся из-за стола — высокий, худощавый, лет пятидесяти пяти. Тёмно-синий костюм сидел идеально, серебряные волосы аккуратно зачёсаны назад, а очки в тонкой металлической оправе делали лицо ещё строже. Он смотрел не на мою одежду и синяки, а сразу в глаза — явная профессиональная привычка оценивать состояние ещё до начала разговора.

— Мисс Осборн.

Я ничего не ответила. Он молча обошёл стол и остановился на небольшом расстоянии, не пытаясь пожать руку.

— Меня зовут Генри Холлоуэй. Последние одиннадцать лет я был личным нотариусом вашего отца. Мы можем поговорить?

— Да.

Он жестом указал на кресло.

— Прошу, присядьте.

Я осталась стоять. Холлоуэй продолжал внимательно смотреть в глаза — так смотрят врачи перед оглашением плохих новостей.

В кабинете повисла тишина, разбавляемая размеренным стуком настенных часов. Тик-так, тик-так, тик-так.

Мужчина неторопливо снял очки, аккуратно протёр их платком и снова надел, будто давал мне ещё немного времени.

— Прежде всего... — тихо произнёс он. — Позвольте выразить вам мои искренние соболезнования. И я понимаю, что вам тяжело после вашего неудачного... отпуска... И что вы были без связи...

Я молчала. Отпуск... Конечно. Самый прекрасный отпуск в моей жизни.

— Я работал с вашим отцом больше десяти лет. Он был не только моим клиентом. — Напряжение в его челюсти усилилось. — Я считал его другом.

— Что с отцом? — на повышенных тонах спросила я.

Снова тишина. Я посмотрела на фотографию на краю стола, где мне было восемь лет: отец держит меня за плечо, а мама смеётся, потому что фотограф никак не мог заставить меня смотреть в объектив. Это был мой первый благотворительный бал, и отец тогда сказал, что однажды именно мне придётся продолжить его дело. Тогда я рассмеялась ему в лицо, пообещав скорее уехать жить в горы, чем сидеть в кабинете, а он только улыбнулся: «Посмотрим».

Я медленно перевела взгляд обратно на Холлоуэя.

— Когда? — Мой голос прозвучал неожиданно спокойно, будто вопрос задал кто-то другой.

— Три недели назад.

Три недели? Три недели назад я сидела в подвале, не ведая, что отца больше нет, а дома никто не ждёт? Всё это время я продолжала вести с ним мысленные диалоги в самые жуткие минуты, надеясь рассказать всё после спасения. Гу-

бы дрогнули от сознания этой глупости.

— Причина смерти? — спросила я.

— Частный самолёт вашего отца потерпел крушение над Атлантическим океаном в шторм.

— Он летел один? — Я нахмурилась.

— Нет. Экипаж и двое сотрудников службы безопасности также погибли.

Отец панически боялся малой авиации. Он всегда приказывал пилотам избегать плохой погоды. Мог даже отменить совет директоров, но не стал бы лететь через шторм. Холлоуэй выдержал паузу.

— Таковы официальные выводы комиссии.

— И кто сообщил? О нём? И обо мне?

— ЦРУ.

Как же далеко зашла гниль... Я опустила взгляд на пол, поджав губы. ЦРУ... Значит, за помощью в службы не обратиться.

— А что говорят... неофициальные источники?

— У меня нет доказательств, мисс Осборн, — медленно выдохнул он.

— Вы ведь знаете... Знаете, что произошло, — тихо произнесла я. Усталость отступила перед оцепенением.

Холлоуэй подошёл к окну, всматриваясь в садовые аллеи, и лишь затем ответил:

— Предполагаю. И боюсь, мне вы ничего не расскажете, так ведь?

Из меня вырвалось лишь короткое «угу».

— Где он захоронен?

— Тело найти невозможно. Памятник поставили на Бостонском кладбище.

Я посмотрела на пустое кресло отца, где совсем недавно сидел человек, умевший решить любую проблему. Теперь остались только мебель, фотографии и документы. И нотариус, рискующий всем ради этого разговора.

— Есть ещё кое-что, о чём я обязан вам сообщить, — произнёс Холлоуэй, возвращаясь к столу и раскрывая пухлую кожаную папку. — Согласно последней редакции завещания, составленной восемь месяцев назад, вы являетесь единственной наследницей всего имущества мистера Осборна.

Я не подошла к столу, и Холлоуэй сам поднял бумаги.

— Основная часть имущества уже была оформлена на семейный траст, — спокойно произнёс он. — Особняк в Уэстоне, загородная резиденция под Кеннебанкпортом, штат Мэн, контрольный пакет акций Osborn Biomedical, инвестиционный фонд семьи.

Он продолжал перечислять, а я перестала слушать. Особняк, акции, миллиарды... Какая глупость, когда ещё недавно единственной ценностью являлся кусок чистой ткани и глоток воды.

— ...таким образом, вы становитесь единственным владельцем контрольного пакета корпорации.

Я подняла голову.

— Других наследников нет?

— Нет, — отрезал он без колебаний. — Ваш отец никогда этого не скрывал.

Я кивнула. Конечно. Только вот... Мне было двадцать пять, и я считала, что впереди целая вечность, а отец успеет постареть и уйти на пенсию. Я никогда не представляла его мёртвым, ведь такие люди не умирают, пока однажды их кабинет не оказывается пуст навсегда.

— Вместе с наследством, — продолжил Холлоуэй, — на вас переходят и обязанности.

— Конечно, — я тихо и безрадостно усмехнулась. — Другого и быть не могло.

— Через четыре дня состоится внеочередное заседание совета директоров, — он внимательно посмотрел на меня.

Мои пальцы устало сжали переносицу.

— Мне... сейчас не до компании.

— Я понимаю.

— Нет, вы не понимаете. Совсем недавно... — голос неожиданно сел, на губах появилась вымученная улыбка. — Совсем недавно я думала, как не умереть ночью от укуса змеи. А теперь вы говорите мне о заседании совета директоров. Вы действительно считаете, что я сейчас способна обсуждать квартальные отчёты?

— Нет, не считаю, — ответ прозвучал настолько спокойно, что я перестала улыбаться, пока он закрывал папку. — Именно поэтому совет директоров уже получил от меня ука-

зание не требовать от вас никаких решений.

— Что?

— Ваше присутствие желательно, но не обязательно. Вы можете вообще ничего не говорить, можете просто слушать или не приезжать вовсе. Но поднялся такой сумбур... У вас есть риск потерять всё, и не думаю, что вы этого хотите. Поэтому я сразу приехал, как только узнал о вашем возвращении — как минимум, понять, насколько вы... в себе.

— Почему вы мне помогаете?

— Потому что это моя работа, — Холлоуэй слегка удивился.

— Нет.

Мужчина помедлил.

— Ваш отец незадолго до смерти попросил меня об одной вещи: если с ним что-нибудь случится... не позволить никому использовать вас, пока вы не будете к этому готовы.

Он думал обо мне даже перед гибелью. Из меня вырвался хриплый выдох.

— Когда... вы виделись в последний раз?

— За два дня до его вылета, — говорил он спокойно, но его челюсть снова напряглась. — Мы несколько часов обсуждали изменения в завещании и корпоративной структуре компании.

— Изменения?

— Незначительные. Большинство документов уже были подготовлены заранее. Ваш отец редко откладывал подобные

вопросы.

Отец вообще любил, когда всё решено заранее. Сделки, встречи, даже семейные ужины стояли в календаре. Меня это всегда раздражало. Зато сейчас его порядок продолжал работать без него, и империя не рассыпалась в первые же дни.

Я тяжело вздохнула и подошла к столу. Там лежала серебристая ручка — когда-то я купила её отцу на первые деньги, заработанные в фонде. Он пользовался её каждый день. Я взяла ручку и не сразу заметила, насколько сильно её сжала. Металл впился в ладонь.

— Мисс Осборн... Ещё... Ваш отец оставил для вас письмо.

Мир замер. Нотариус открыл верхний ящик стола и достал плотный белый конверт без штампов, где знакомым почерком было написано: «*Для Пэм*».

Дыхание перехватило, руки задрожали, принимая бумагу.

— Вы не читали?

— Нет. И никто не читал, ваш отец настоял на этом.

Конверт казался совсем лёгким.

— Я... можно... позже?

— Разумеется. Это письмо принадлежит только вам. Когда будете готовы. Если будете готовы.

Я прижала конверт к груди. Потребовалось усилие, чтобы сдержать страх перед последними словами человека, которого больше нет. Холлоуэй защёлкнул папку.

— На сегодня достаточно. Вам не нужно ничего подписывать. Отдохните, поешьте, постарайтесь поспать. И вам точно стоит обратиться за медицинской помощью. Если вам что-либо понадобится, я буду в городе ещё несколько дней. Мой личный номер — в любое время.

Забрав визитку, я спрятала её в карман.

— Мне очень жаль, мисс Осборн. И ещё одно... С учётом всех обстоятельств, проблемы могут ещё возникнуть. Я не знаю деталей и не прошу их, но люди... редко останавливаются на половине пути. Будьте осторожны. Если понадобится помощь — я сделаю всё, что смогу.

Он ушёл, а я осталась сидеть в кабинете отца, сжимая в руках нераспечатанный конверт.

Глава 9. Майкл.

Официально ликвидирован

(Трек Kordhell — LAND OF FIRE)

Попытка вдохнуть отозвалась острой нехваткой воздуха. Вокруг стояла непроглядная тьма, пропитанная запахом свежего соснового среза, машинного масла и въедливого формалина.

Уголок губ дёрнулся, натягивая подсохшую кожу. Сработало, сука.

Пальцы подчинялись с трудом, кровь только-только начала разгоняться по артериям. В груди сохранялась непривычная глухота: удары пульса шли с огромными паузами. Любой дипломированный эскулап без колебаний признал бы меня покойником и списал в утиль. Собственно, на этот сценарный ход и строился весь расчёт. Грязно, рискованно, зато с гарантией.

Сбор ядовитого коктейля затянулся на несколько дней. По отдельности каждый токсин меня бы едва зацепил, но в грамотном замесе они выдали мощнейший анабиотический удар. Местные медики купились, как наивные простаки. Главное — чтобы эта специфическая фишка моего организма не утекла к сторонним наблюдателям. Закалять тело к этой гадости не хотелось.

Локоть согнулся с ватной, противной тяжестью. Ещё минут десять или пятнадцать — и регенерация наберёт максимальный ход. Хорошо, что получилось не довести себя до точки невозврата. На грани гибели всегда срабатывает адреналиновый выброс, отключающий мозги и выпускающий наружу чистого зверя, жаждущего исключительно бойни. А этот зверь в последнее время и так слишком часто рвался наружу. Особенно после балерины. Рыжая зараза... До сих пор перед глазами вспыхивает, как она выгибалась, сжимая бёдра так, что у меня мышцы сводило.

За деревянной стенкой зашуршали ботинки, зазвенели амуниция и металлические пряжки.

— ...говорю тебе, зря они столько возятся с этой тушей, — колёсиком чиркнула зажигалка.

— Не наше дело, — сплюнул второй, опускаясь на мой ящик, из-за чего доски заскрипели.

— Да знаю я...

Кто-то хрипло рассмеялся, с хлопаньем глотая пойло.

— Здоровый, сука. Сколько в нём? Килограммов сто сорок?

— Трёхзначная цифра там поболее будет, — зашуршал другой. — Настоящий шкаф. А как себя показал... Везут на расчленёнку, не иначе.

Глаза снова прикрылись. Значит, борт ещё в воздухе. Отлично. Транспорт искать не придётся, с навигацией тоже возиться не надо. Сервис премиум-класса, блядь. Личный экс-

пресс прямо до ликвидаторов. Джон Уик оценил бы масштаб.

Я провёл ладонью по внутренней стороне крышки: массивные доски, металлические фиксаторы. Судя по гулу снаружи, ящик ещё и стяжными ремнями перетянули. Подготовились на совесть. Жаль, что совесть у них закончилась раньше, чем завезли мозги.

Глубокий вдох заставил сердце разгоняться. Двадцать ударов в минуту. Тридцать. Сорок. С каждым ударом мышцы наливались привычной силой, а в жилах закипал пожар.

Вертолёт качнуло на сильном воздушном потоке. За перегородкой снова подали знак жизни:

— После базы сразу домой? — спросил один, со щелчком передёргивая затвор автомата, видимо, от банальной скуки.

— Нет, потом ещё на склад отправят, — второй тяжело вздохнул. — Заебало уже.

— Потерпишь.

Я не сдержался от усмешки. Пора делать шоу.

Без резких движений упёрся обеими ладонями в крышку. Дерево пронзительно закрипело. Я напряг спину и плечи сильнее — фиксаторы затрещали. Ещё один жим, и доски выгнулись, саморезы с мясом полезли из пазов. Сердечный ритм выровнялся, тумблер организма щёлкнул в положение «максимум».

Я резко толкнул крышку вверх. Массив треснул. Мужики в грузовом отсеке успели лишь вытаращить глаза.

— Какого... — Один из них выронил сигарету из разинутого рта.

Деревянный щит врезался ему в лицевую кость, сломав нос и отбросив туловище к противоположному борту. Второй бросился к автомату. Не успел. Я уже оказался рядом, схватил его за горло и сжал пальцы на гортани. Кисть коротко повернулась — сухо хрустнуло. Мужик рухнул на пол, пока первый судорожно пытался подняться, хапая ртом собственную кровь. Упрямый тип. Такие всегда дольше умирают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.